

269
26

СБОРНИКЪ

РАЗСКАЗОВЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

И

БЫТА НАРОДОВЪ.

Составленъ по Дялицу.

(съ нѣмецкаго).

Съ 8-ю фотографическими картинами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ТРУБНИКОВОЙ И СТАСОВОЙ.

1868.

СБОРНИКЪ

РАЗСКАЗОВЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

И

БЫТА НАРОДОВЪ.

КАРТИНЫ КАВКАЗА.

КАВКАЗЪ И ЕГО ЖИТЕЛИ.

Издали, Кавказъ представляется однообразною черною стѣною, которая служитъ фундаментомъ громаздящимся надъ нею снѣжнымъ вершинамъ горъ. Приближаясь, замѣчаешь, что стѣна прорѣзана глубокими ущельями, изъ которыхъ выбѣгають, шумя и пѣнясь, горные потоки и спѣшаютъ къ морю, катя въ своихъ волнахъ золотую и серебряную руду. Между ущельями и скалами раскидываются — плодоносныя нагорныя равнины, поросшія вязами, ясенями, дубами и всевозможными фруктовыми деревьями, на которые вползаетъ до самыхъ вершинъ виноградная лоза. Посреди зеленыхъ рощъ лежатъ красивые аулы, жилища абхазцовъ и черкесовъ. Приводимъ рядъ рассказовъ и очерковъ, характеризующихъ нравы различныхъ племенъ, населяющихъ Кавказъ, но предупреждаемъ читателя, что всѣ эти рассказы относятся ко временамъ, когда еще не весь Кавказъ былъ по-

корень русскими и когда между различными населяющими его племенами и русскими велась ожесточенная война.

Вотъ что рассказываетъ одинъ путешественникъ, видѣвшій этотъ край около того времени. „Пріѣхавъ вглубь страны, мы были удивлены множествомъ домовъ, цвѣтущимъ земледѣліемъ и плодородіемъ края. Цвѣтущіе луга чередовались съ маисовыми полями, дававшими вторичную жатву. Всѣ пашни были огорожены зеленѣющими изгородами, обвитыми виноградными лозами. Нигдѣ не было видно ни одного безплоднаго мѣста и трава на лугахъ не рѣдко равнялась вышиною скоту, который на ней пасся. Намъ безпрестанно встрѣчались многочисленныя стада овецъ, козъ, коровъ и лошадей, хотя мѣстность, гдѣ мы находились, была особенно подвержена нападеніямъ русскихъ.

Отвѣсныя горы съ непроходимыми ущельями, окружающія эти долины, затрудняютъ сношенія между населяющими ихъ племенами. Жители Кавказа обязаны преимущественно этой разъединенности тѣмъ, что среди всѣхъ перемѣнъ, произошедшихъ въ сосѣднихъ странахъ, они сохранили свою свободу и свои особенности. Но съ другой стороны, слѣдствіемъ этой раздѣльности стало то, что каждая кавказская деревня имѣетъ свои законы и своего начальника, одной общепризнанной власти не существуетъ и поэтому собственность безопасна только пока ее защищаютъ вооруженною рукою. Такъ какъ нѣтъ власти, которая наказывала бы за нанесенную обиду, то всѣ члены одной фамиліи обязаны мстить за оскорбленіе кого нибудь изъ членовъ семьи. Вслѣдствіе этого, ни въ одной

странѣ, исключая только Корсику, кровавая месть не выполняется такъ строго, какъ на Кавказѣ, гдѣ она переходитъ изъ рода въ родъ, какъ священная обязанность и нерѣдко возжигаетъ долгія, кровопролитныя войны между цѣлыми племенами.

Какъ истые горцы, кавказскія племена презираютъ цивилизацію, которая уже много разъ была заносима къ нимъ русскими; они считаютъ рабствомъ всякое подчиненіе условіямъ благоустроеннаго общества. Ихъ низкіе аулы милѣе имъ всякихъ дворцовъ, ихъ простыя пѣсни, переходяція изъ рода въ родъ и свято хранимыя въ памяти народа, цѣнятся ими выше всей западной науки. Впрочемъ, жители Кавказа народъ весьма поэтическій, съ живымъ умомъ, съ пылкою фантазіею и съ глубокимъ пониманіемъ красотъ природы. „Мы убѣдились въ этомъ, рассказываетъ одинъ англійскій путешественникъ, изъ пѣсенъ, слышанныхъ нами у Гассанъ-бея и которыя мы попросили перевести для насъ. На второй день нашего пребыванія у этого князя, мы присутствовали при сценѣ, которая перенесла насъ въ героическую эпоху Греціи. Послѣ ужина, вошли три человѣка и остановились въ глубинѣ комнаты, освѣтивъ ее факелами, которые они держали въ рукахъ. Князь приподнялся съ мѣста ища кого-то глазами въ толпѣ гостей, которыхъ было болѣе двухъ сотъ человѣкъ. „Гдѣ Менсукъ?“, спросилъ онъ громкимъ голосомъ. „Развѣ вдохновеніе навсегда покинуло его? Развѣ нѣтъ у него пѣсни, чтобы отпраздновать радостное прибытіе англичанина въ наши родныя горы“? При этихъ словахъ, всѣ гости обратили глаза на слѣпаго старца, который тотчасъ всталъ, чтобы исполнить

волю своего повелителя, и началъ говорить стихи, неправильнаго размѣра, акомпанируя себѣ на двухъ-струнномъ инструментѣ, похожимъ на гитару. Слова его пѣсни текли то медленно, то быстро и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, все собраніе подхватывало ихъ оглушительнымъ хоромъ, отъ котораго дрожали стѣны комнаты—и въ которомъ можно было только разобрать слова „англичанинъ“ и „Англія“. Чѣмъ далѣе пѣлъ бардъ, тѣмъ вдохновеннѣе становились его движенія и голосъ: соразмѣрно съ этимъ возрастало и воодушевленіе его слушателей, такъ что наконецъ многіе изъ нихъ вскочили съ мѣстъ и ходили по комнатѣ, бряцая оружіемъ. Наконецъ, въ заключеніе этой дѣйствительно высоко поэтической сцены, всѣ присутствовавшіе черкесы стали стрѣлять въ каминъ, въ честь Англіи и англійскаго гостя, такъ что въ залѣ стало темно отъ дыма. Когда дымъ разсѣялся, бардъ опять запѣлъ, на этотъ разъ какую-то веселую пѣсню.

Въ дополненіе, молодые люди представили пантомиму, которая, подобно знаменитому танцу древнихъ грековъ, изображала войну“.

Черкесы, какъ и вообще горныя племена, всегда избѣгаютъ большихъ сраженій съ непріателемъ и ограничиваются по возможности отдѣльными стычками и защитою главныхъ горныхъ проходовъ. Предводитель отряда ѣдетъ впереди, имѣя около себя нѣсколькихъ тѣлохранителей; отрядъ раздѣляется на мелкія партіи и ѣдетъ позади безъ всякаго строя, но въ глубочайшемъ безмолвіи. Если начальникъ прикладываетъ палецъ къ губамъ, весь отрядъ останавливается; если онъ указываетъ на землю, всѣ проворно слезаютъ съ лошадей; если онъ дѣлаетъ знакъ, всѣ

несутся къ нему въ галопъ за приказаніями. Замѣтивъ какой нибудь подозрительный предметъ или приблизившись къ цѣли путешествія, предводитель вѣзжаетъ на холмъ и высматриваетъ окрестность. Если онъ усмотритъ людей, которыхъ ему нужно обмануть, то онъ бросаетъ вверхъ свою шапку, ложится ничкомъ и сползаетъ съ холма, а непріятель думаетъ, что эта птица вспорхнула за холмъ. Ночью, всадники ѣдутъ тѣсно сблизившись, изъ опасенія, чтобы кто нибудь не заблудился. Начальникъ ѣдетъ шаговъ на сто впереди отряда, прислушиваясь къ малѣйшему шороху, держа палецъ на куркѣ ружья и не отрывая глазъ отъ чуткихъ ушей своего коня. Онъ руководитъ движеніями отряда посредствомъ глухаго, чуть слышнаго свиста. Тѣлохранители ложатся по временамъ на землю и плотно прикладываютъ ухо къ землѣ, прислушиваясь къ отдаленнымъ звукамъ. У этихъ горцевъ такой изумительно тонкій слухъ, что они отличаютъ на далекомъ разстояніи шагъ различныхъ животныхъ. Начальники ихъ бываютъ обыкновенно не только смѣлые, но и весьма ловкіе и опытные люди; они получаютъ, послѣ удачнаго набѣга, половину добычи.

Если для набѣга или военной экспедиціи соединяются нѣсколько племенъ, то онѣ составляютъ общій совѣтъ, въ которомъ опредѣляется мѣсто нападенія, путь къ нему и время, когда его слѣдуетъ произвести.

Договорившись, участники въ походѣ даютъ такъ называемую кровавую клятву, т. е. клянутся не разлучаться ни въ жизни, ни по смерти. Пережившіе должны стараться отбивать у врага трупы павшихъ и доставлять ихъ на родину, за что они наследуютъ ихъ имуществу. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія,

хищники бросаются, какъ голодные тигры на несчастныхъ, которыхъ они избрали своею цѣлью, убиваютъ, грабятъ ихъ и уходятъ потомъ съ добычею и плѣнными, въ свои родныя горы также быстро, какъ пришли.

Мы уже сказали, что нигдѣ въ мірѣ нельзя найти такого разнообразія нравовъ, обычаевъ и языка между пограничными племенами, какъ на Кавказѣ; тѣмъ не менѣе, кавказскія племена можно раздѣлить на шесть главныхъ группъ. На восточномъ Кавказѣ и въ равнинахъ при Каспійскомъ морѣ живутъ лезгины, дикое, жестокое племя, считающее грабежъ и разбои почетнымъ занятіемъ и превосходящее всѣхъ своихъ сосѣдей храбростью и стойкостью на войнѣ. На сѣверо-западъ отъ лезгинъ, живутъ племена, извѣстные подъ именемъ чеченцевъ; это такіе же дикіе хищники, какъ и лезгины. Западные сосѣди чеченцевъ, осетины, теперь подчинены русскимъ и занимаются скотоводствомъ, кузнечнымъ, кожевеннымъ и другими мирными ремеслами. Въ западной и сѣверозападной части Кавказа, до Кубани и Чернаго моря, живутъ черкесы. Они распадаются въ свою очередь на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ самое дикое абхазцы; мы познакомимся съ ними ниже. Наконецъ, весь кавказскій народъ распадается на четыре строго раздѣльныхъ класса, или сословія: князей, дворянъ, вольноотпущенныхъ и рабовъ. Дворянинъ постоянно обязанъ сопровождать на войну того князя, котораго онъ вассаль, и приводить съ собою столько солдатъ, сколько тотъ потребуетъ. Дворяне имѣютъ неограниченныя права на своихъ рабовъ и могутъ даже убивать ихъ, не отдавая никому отчета. Пятую группу составляютъ

племена, живущія на югѣ Кавказа и извѣстныя подѣ общимъ именемъ грузинъ. Они не столь воинственны и болѣе образованны, чѣмъ ихъ сѣверные сосѣди, по этому они сочли болѣе выгоднымъ для себя безъ борьбы подчиниться русскимъ. Наконецъ, на Кавказѣ въ сѣверныхъ и восточныхъ равнинахъ живутъ различныя турецкія племена, извѣстныя подѣ общимъ названіемъ татаръ.

Давъ это общее понятіе о Кавказѣ и о его населеніи познакомимъ читателей съ самыми характеристическими чертами послѣдняго по рассказамъ путешественниковъ, видѣвшихъ и описавшихъ этотъ край.

СТЫЧКА СЪ ЧЕРКЕСАМИ.

(по Нейману).

Одинъ русскій офицеръ описываетъ слѣдующимъ образомъ экспедицію противъ черкесовъ.

Кубань, спустившись съ горъ, бѣжитъ къ сѣверу бѣшенымъ потокомъ, между рядами огромныхъ скалъ, по странѣ, населенной покоренными черкесами. Крутые, высокіе, неприступные утесы, которые лѣпятся по обѣимъ берегамъ, едва оставляютъ на нихъ узкую тропинку, а глубокія ущелья, ведущія къ рѣкѣ, даютъ возможность воспрепятствовать, съ горстью солдатъ, переправѣ значительнаго отряда. Верстахъ въ пятидесяти отъ такъ называемаго каменнаго моста, Кубань впадаетъ въ цвѣтущую долину, гдѣ рѣка какъ будто успокоивается отъ своего бурнаго теченія. При-

нявъ въ себя здѣсь четыре притока, она дѣлаетъ поворотъ къ сѣверо-западу, образуетъ нѣсколько острововъ у крѣпости Прочный Окопъ, гдѣ какъ орель, свилъ себѣ гнѣздо, гроза черкесовъ, генераль Зассъ; отсюда поворачиваетъ прямо къ западу и вливается въ Черное море. До насъ дошли слухи, что нѣсколько враждебныхъ племенъ предпринимаютъ набѣгъ и въ главную квартиру то и дѣло приходили лазутчики генерала, подкрадывавшіеся, съ опасностью жизни въ лагерь союзниковъ. Наконецъ, пришло извѣстіе, что непріятель рѣшился напасть на казацкую станицу Батальпашинскъ; двѣсти черкесовъ обязались кровавою клятвою; ихъ князья надѣли свои лучшіе доспѣхи и оружіе; нападеніе должно было быть произведено въ слѣдующую ночь, подъ предводительствомъ посѣдѣвшаго въ бояхъ противъ Россіи, абхазскаго героя, Али-Харциса, и его двухъ сыновей, смертельныхъ враговъ Россіи. Получивъ это извѣстіе, Зассъ тотчасъ собралъ восемьсотъ казаковъ, двѣ роты егерей, двѣсти мирныхъ черкесовъ и шесть полевыхъ орудій, чтобы выступить на встрѣчу непріятелю. Намъ пришлось проѣхать почти до того мѣста, гдѣ рѣка Лоаба вырывается изъ горъ между исполинскими утесами; тамъ, нашему отряду предстояло переправиться черезъ рѣку. Начиная отсюда, были видны на примятой травѣ въ ростъ человѣка и на только что вспаханныхъ поляхъ, ясные слѣды корпуса черкесовъ. Непріятель неостанавливаясь подвигался впередъ черезъ горы и долины, черезъ рѣки и болота, черезъ лѣса и ущелья и мы преслѣдовали его ускореннымъ маршемъ впродолженіе цѣлыхъ трехъ сутокъ. Судя по кострамъ, вокругъ которыхъ располагался непріятельскій отрядъ,

мы были къ нему все ближе и ближе, а въ послѣднюю ночь, мы нашли огни еще не потухшими. До той поры, непріятель былъ повидимому безпеченъ и не только не спѣшилъ, но даже не принималъ дорогою самыхъ обычныхъ мѣръ предосторожности; онъ заботился только о томъ, чтобы сберечь силы своихъ лошадей для обратнаго пути. Это дало намъ перевѣсъ, потому что насъ ожидали на Кубани пятьсотъ свѣжихъ казацкихъ лошадей. Но вдругъ исчезли все слѣды приваловъ и костровъ. Генераль Зассъ придумался и сталъ еще болѣе спѣшить, хотя большая часть нашей артиллеріи съ вьючными лошадьми и такъ уже давно отстала отъ насъ. Черкесы никогда не производятъ нападенія тотчасъ по прибытіи на мѣсто; они обыкновенно распоряжаются такимъ образомъ, чтобы прилѣзть къ деревнѣ въ полночь и дать отдохнуть за ночь своимъ лошадямъ. На разсвѣтѣ, они съ страшнымъ крикомъ, нападаютъ на жилища. Зная это, мы подѣзжали къ Кубани, при Батальпашинскѣ, съ величайшею осторожностью. Но какъ же было наше удивленіе, когда мы замѣтили, что слѣды внезапно уклонились вправо, прямо къ рѣкѣ! Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что непріятель, узнавъ о нашемъ приближеніи и перемѣнивъ направленіе, переправился за Кубань не въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалъ.

Зассъ долго простоялъ въ задумчивости на этомъ мѣстѣ. Наконецъ, онъ встрепенулся и спросилъ бывшихъ съ нимъ черкесовъ, есть ли еще возможность нагнать бѣглецовъ? Послѣ долгаго совѣщанія, пришли къ заключенію, что непріятель, вѣроятно чрезъ мѣру утомившій своихъ лошадей, долженъ былъ теперь

прокладывать себѣ дорогу по непроходимой мѣстности, гдѣ его на каждомъ шагу будутъ задерживать скалы, пропасти и горные потоки. Невозможно было чтобы при такихъ условіяхъ, его лошади быстро ѣхали, такъ что если бы намъ и не удалось нагнать его, то все же оставалась возможность пересѣчь ему путь, обойдя другою дорогою; но для этого нужна была величайшая поспѣшность. Выслушавъ этотъ совѣтъ, Зассъ поглядѣлъ на нашихъ изнуренныхъ лошадей и сомнительно покачалъ головою. Но вдругъ, онъ вскричалъ: — „Имъ не уйти отъ наказанія, хотя бы насъ было всего двѣ сотни, когда мы ихъ настигнемъ! Впередъ“!

Тутъ мы показали, что значить скорый маршъ подѣ начальствомъ Засса! Намъ пришлось переправляться черезъ четыре бѣшеныхъ потока, карабкаться въ потьмахъ по крутымъ горнымъ тропинкамъ, спускаться въ пропасти, въ которыя лошадь не могла спуститься иначе, какъ сѣвши на крупъ; за то къ пяти часамъ утра, мы были на томъ мѣстѣ, гдѣ, по увѣренію проводниковъ, долженъ былъ пройти, если уже не прошелъ, непріятель. Мы тщательно изслѣдовали всю окрестную почву, но на ней не оказалось и слѣдовъ непріятельскаго отряда, а на мягкой землѣ, покрытой роскошнѣйшею растительностью, тысяча всадниковъ не могли бы пройти безслѣдно. Собравшись въ узкомъ ущельи, мы разостлали свои шинели и проспали до девяти часовъ утра. Тогда всѣхъ разбудили, такъ какъ ежеминутно ожидали, что непріятель покажется на лежавшей передъ нами горѣ, прорѣзанной съ правой и съ лѣвой стороны глубокими ущельями. „Идутъ“! послышалось вдругъ и на снѣж-

ной вершинѣ горы показалась черная полоса, смѣясь спускавшаяся внизъ. При этомъ видѣ, каждый изъ насъ подползъ къ своей лошади, подтянулъ, не вставая ремень у сѣдла, осмотрѣлъ свое ружье и попробовалъ, легко ли вынимается изъ ноженъ наточенная сабля и остроконечный кинжалъ. Непріятель былъ еще въ полумилѣ отъ насъ, когда мы замѣтили, что съ нимъ что-то случилось. Черкесы остановились какъ будто бы въ нерѣшимости и вскорѣ восклицаніе нашего проводника: „Мы открыты!“ разъяснило намъ дѣло. Дѣйствительно, горцы высмотрѣли насъ своими соколиными глазами. Здѣсь слѣдуетъ сказать, что за генераломъ могли послѣдовать, изъ восьми сотъ конныхъ казаковъ, всего триста пятьдесятъ, изъ трехсотъ человѣкъ пѣхоты, всего шестьдесятъ, а изъ шести пушекъ, всего одна. Этому отряду дополненному двумя сотнями мирныхъ черкесовъ, предстояло сразиться съ корпусомъ въ тысячу двѣсти человѣкъ, поставленнымъ въ отчаянное положеніе. Засѣ распорядился слѣдующимъ образомъ. Сотня козаковъ подъ начальствомъ князя Орбеліани и двѣсти мирныхъ черкесовъ подъ начальствомъ майора Муссы Тагана, черкеса происхожденіемъ, должны были занять лѣвое ущелье, въ то время какъ генералъ съ пушкою и съ остальными казаками, изъ которыхъ каждый взялъ къ себѣ на лошадь по одному пѣхотинцу, должны были выступить прямо на встрѣчу непріятелю. При этомъ солдатамъ было предписано на сколько возможно расширять строй, чтобы скрыть отъ непріятеля нашу малочисленность. Всѣ мы, опустивъ поводья, поскакали къ назначеннымъ мѣстамъ. Я находился при генералѣ и мы не успѣли еще проѣхать половины пути,

какъ непріятельскій отрядъ бросился на черкесовъ и на казаковъ. Въ одну минуту онъ скрылся у насъ изъ глазъ и вслѣдъ затѣмъ раздались первые выстрѣлы. Тутъ и наши соскочили съ лошадей и перестрѣлка едѣлалась всеобщая. Спустя нѣсколько минутъ, подошли казаки подъ начальствомъ Рота, и заставили отступить стоявшихъ передъ ними враговъ. Казаки, заткнувъ за поясъ свои мѣховыя шапки (линейные казаки носятъ одинаковую съ черкесами одежду, по-этому, въ отличіе отъ нихъ, они снимаютъ въ бою свои шапки и остаются съ обнаженною головою, которая у нихъ съ волосами, а у черкесовъ выбрита), вихремъ помчались съ горы, соскочили съ лошадей и заняли свое мѣсто въ передовыхъ рядахъ. Въ право, лѣпились террасами скалы на скалахъ: въ лѣво лежалъ крутой берегъ горнаго потока, пролагавшаго себѣ путь въ узкомъ ущельи, между высокихъ скалъ; но заднемъ планѣ царила надъ всѣмъ ледяная вершина Эльбруса.

Между тѣмъ, Зассъ занялъ возвышенность по лѣвую сторону и поставивъ на ней пушку, мѣшалъ картечнымъ огнемъ заднимъ непріятельскимъ рядамъ дѣятельно поддерживать своихъ товарищей. За пушкою дрался съ черкесами небольшой отрядъ казаковъ, представляя довольно странное зрѣлище. Около восьмидесяти казаковъ стояли противъ такого-же числа черкесовъ; болѣе не могло помѣститься въ узкомъ ущельи. Послѣ cadaго залпа, обѣ стороны бросались ничкомъ въ высокую траву и заряжали ружья, подвигаясь, въ то-же время впередъ. Наконецъ, между ними осталось разстоянія не болѣе тридцати шаговъ. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ стрѣлять, каждый солдатъ

прицѣлился въ одного изъ своихъ противниковъ, ожидая, чтобы онъ выстрѣлилъ первый. Такъ прошло около получаса; тогда обѣ линіи разомъ сдѣлали залпъ. Раненные упали на землю; казаки бросились, съ громкимъ ура, на непріятеля, котораго такъ слабо поддерживали задніе ряды, что онъ былъ вынужденъ отступить и очистить ущелье.

Между тѣмъ, передъ нами, на высокой скалѣ, продолжалъ держаться непріятельскій отрядъ, который, пришелся съ фланга нашимъ казакамъ, когда они вытянулись впередъ, и причинялъ имъ большой уронъ. Изъ этого небольшого отряда особенно выдавался одинъ старикъ, высокаго роста, въ богатомъ нарядѣ и съ длинной, сѣдой бородой; каждый изъ его выстрѣловъ укладывалъ когонибудь изъ нашихъ; между прочимъ онъ только что убилъ одного офицера, съ которымъ я былъ очень друженъ. Въ старика прицѣливались многіе изъ нашихъ, но ни одинъ не попадалъ; наконецъ, мы замѣтили по его движеніямъ, что онъ раненъ. Тѣмъ не менѣе, онъ опять приложилъ къ щекѣ ружье, но въ то же мгновенье, потерялъ равновѣсіе, ружье выпало у него изъ рукъ и онъ самъ покотился съ одной скалы на другую. Съ сверхъчеловѣческимъ усиленіемъ пытался онъ удержаться за утесы, но лишился чувствъ и скатился съ послѣдняго отвѣса, въ средину нашихъ казаковъ. Выстрѣлы умолкли съ обѣихъ сторонъ, и всѣ глядѣли, удерживая дыханіе, на падавшаго старца, котораго каждый зналъ въ лицо, это былъ самъ Али-Харцисъ.

Едва онъ скатился, какъ послѣдовала сцена, которую трудно изобразить даже самымъ искуснымъ перомъ. Держа ружье на плечѣ, шашку въ зубахъ и

пистолетъ въ рукахъ, бросились черкесы, съ дьявольскимъ крикомъ, до сихъ поръ отдающимся у меня въ ушахъ, на нашихъ казаковъ, которые въ безпорядкѣ отступили. Въ ту минуту, какъ человѣкъ шесть черкесовъ схватили съ громкимъ крикомъ своего мертвѣго героя, остальные произвели бѣшеный натискъ на наши ряды и отбросили ихъ съ благопріятной позиціи. Но на непріятеля бросились съ тыла казаки изъ боковыхъ ущельевъ; это ободрило и тѣхъ, которые стояли въ срединѣ прохода и казаки, съ громкимъ ура, сомкнулись вокругъ непріятеля, которому остался одинъ путь: по крутизнѣ горы. Между тѣмъ остававшіеся на высокой скалѣ спутники павшаго вождя, въ томъ числѣ и сынъ его, были всѣ застрѣлены и черкесы, лишенные вождя, съ отчаяніемъ обратились въ бѣгство. Лошади не могли быть имъ полезны на крутизнѣ, по которой имъ предстояло карабкаться, но чтобы не оставлять въ нашихъ рукахъ этихъ превосходныхъ животныхъ, они закололи или изувѣчили ихъ шашками. Затѣмъ, началось восхожденіе на гору, какъ кошки карабкались черкесы на рукахъ и на ногахъ по крутымъ утесамъ и въ это время, еще многіе изъ нихъ попадали отъ нашихъ пуль. Наконецъ, стрѣльба умолкла и непріятель собрался на вершинѣ горы около трупа своего павшаго вождя. Черкесовъ значительно ubyло, но и намъ побѣда обошлась не дешево, мы потеряли лучшихъ козаковъ. Отдохнувъ часовъ двѣнадцать, среди грудъ убитыхъ и изувѣченныхъ лошадей, мы повернули въ обратный путь, ничего не ѣвши во все это время, такъ какъ намъ пришлось оставить позади весь нашъ обозъ съ провизією. Двое сутокъ проѣхали мы такимъ образомъ,

все уже и уже стягивая наши поясные ремни, пока не добрались наконецъ до мѣстности, гдѣ была возможность получить съѣстные припасы.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО КАВКАЗУ.

(ПО ПЛАНУ КАМЕРОНУ).

Пославъ своихъ лошадей съ двумя линейными казаками, къ подошвѣ прохода, прорѣзывающаго исполинскую цѣпь Кавказскихъ горъ, я отправился, дня черезъ два, вслѣдъ за ними, въ удобной бричкѣ, пріобрѣтенной мною для путешествія по Россіи. Къ великому моему удовольствію, ко мнѣ присоединился одинъ драгунскій капитанъ, которому лежалъ одинъ путь со мною, и въ теплое, солнечное утро, мы выѣхали изъ Тифлиса.

Было около полуночи, когда меня внезапно пробудилъ ужаснѣйшій ударъ, заставившій меня подумать, что насталъ конецъ свѣта. Я слыхивалъ эхо, грохотавшее въ горахъ; мнѣ случилось чувствовать какъ дрогнула подомною лошадь, при взрывѣ мины, но такого потрясающаго нервы удара, я не могъ вообразить. На минуту оглушенный, я однако быстро оправился, но въ то же мгновеніе, огненная полоса озарила окрестность ярче дневнаго свѣта и раздался новый ударъ, еще сильнѣе перваго, если возможно. На половину ослѣпленный, я успѣлъ однако замѣтить дѣйствіе этого страшнаго удара. Лошади стояли съ поднявшимися дыбомъ гривами и съ выпученными

глазами; товарищъ мой блѣдный, вѣроятно, какъ и я, набожно крестился, а слуги наши закрыли лица руками, чтобы не видѣть ужасовъ, и съ жаромъ шептали турецкія и христіянскія молитвы, полагая, что пробилъ часъ послѣдняго суда.

Молнія слѣдовала за молніею, ударъ за ударомъ; дождь лилъ потоками; глухіе раскаты грозы и трескъ падавшихъ деревьевъ придавали сценѣ нѣчто не изобразимо ужасное. Я не разъ видывалъ бурю и на сушѣ, и на морѣ, не разъ участвовалъ въ кровопролитной схваткѣ, когда все мысли заглушены однимъ чувствомъ, что надо умереть или побѣдить, не разъ стоялъ на полуразбитомъ кораблѣ, тоскливо глядя на бурныя, пустынные волны, которыя казалось, вотъ вотъ поглотятъ корабль,—но такого чувства ужаса и беспомощности, какъ во время этого взрыва разбушевавшихся стихій, я еще никогда не испытывалъ.

Гроза продолжалась не менѣе часа и вслѣдъ за тѣмъ наступило гробовое затишье. Наконецъ, темныя разорванныя тучи разсѣялись и надъ нами засіяло въ полномъ блескѣ восточное ночное небо.

На разсвѣтѣ, насъ повсюду поражали слѣды ночнаго урагана. Повсюду были разбросаны вырванные съ корнемъ или переломленные деревья и нашимъ слугамъ нерѣдко приходилось разчищать дорогу, загроможденную сучьями и стволами. Вскорѣ послѣ восхода солнца, мы приблизились къ цѣпи Кавказскихъ горъ и, къ девяти часамъ утра, уже были у подошвы ихъ, гдѣ насъ очень радушно принялъ начальникъ форпоста, состоявшаго изъ одного баталіона пѣхоты. Послѣ обѣда, мы продолжали путь верхомъ, отправивъ нашъ экипажъ впередъ. Довольно широкая дорога такъ круто поднима-

ГОРНЫЙ ПОТОКЪ.

Фот. Каррика.

лась и такъ обрывисто опускалась, что мы только черезъ шесть часовъ труднаго пути, проѣхали четыре мили до слѣдующей почтовой станціи, которая была занята отрядомъ казаковъ. Но здѣсь, мы позабыли всю усталость, при видѣ восхитительныхъ картинъ природы, развернувшихся передъ нашими глазами. Не было возможности оставаться равнодушнымъ къ такому зрѣлищу. Со всѣхъ сторонъ разстилались плодородныя поля и густыя лѣса; между ними шумно бѣжали горные потоки, перескакивая со скалы на скалу, а высоко на утесахъ стояли мрачныя замки, гроза смѣлыхъ горныхъ хищниковъ; много вѣковъ стоятъ здѣсь эти замки, похожіе на огромныя гнѣзда; много бурь выдержали ихъ почернѣвшія стѣны! Надъ всѣмъ этимъ пейзажемъ, представшимъ намъ въ золотомъ блескѣ вечерней зари, царятъ уходящія въ глубь неба бѣлоснѣжныя вершины горъ.

Мы переночевали на этой станціи и на слѣдующее утро, продолжали наше путешествіе. Подъ нашу легкую бричку понадобилось двѣнадцать лошадей.

Спустя нѣсколько часовъ, сцена совсѣмъ перемѣнилась; мы вступили въ поясъ снѣговъ, гдѣ насъ привѣтствовала такая неистовая метель, что мы едва не задохлись и не ослѣпли.

Наше непріятное положеніе дополнилось еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: впереди насъ ѣхали мой слуга персіянинъ и одинъ казакъ. Вдругъ они увязли въ снѣгу по самое сѣдло. Мы начали было смѣяться надъ ними, но и сами погрузились въ холодную массу снѣга. Оказалось, что мы приняли за дорогу снѣгъ лавины, утоптанной другими караванами и начинавшій таять съ приближеніемъ весны; такимъ образомъ намъ

стоило величайшихъ усилій выбраться съ бричкою на надлежащій путь.

Черезъ часъ, мы доѣхали до вершины горнаго прохода, откуда дорога опять начала спускаться подъ гору; вскорѣ, мы проѣхали поясъ снѣговъ и опять вступили въ зеленныя, прелестныя долины, которыхъ свѣжесть и яркость показалась намъ теперь вдвое пріятнѣе. Дорога наша пошла вдоль широкаго, бурнаго потока, обрывавшагося въ нѣсколькихъ мѣстахъ тѣнистыми водопадами. Къ вечеру, мы пріѣхали на первый казацкій постъ, учрежденный императрицею Екатериною съ тѣмъ, чтобы облегчать сношенія съ Грузіею и сдерживать вторженія черкесовъ. Путешественники рѣдко проникаютъ далѣе этого пункта безъ сильнаго конвоя, поэтому и мы не приминули вступить въ переговоры съ комендантомъ на счетъ необходимаго для насъ конвоя, но къ горю нашему, къ нашимъ услугамъ оказалось всего четыре казака; чтобы имѣть болѣе сильное прикрытіе, нужно было подождать дня два или три. Этого намъ совсѣмъ не хотѣлось. Прежде чѣмъ мы успѣли на чтонибудь рѣшиться, ко мнѣ подошелъ мой слуга, который, какъ я замѣтилъ, довольно долго разговаривалъ передъ тѣмъ съ какимъ-то татаринѣмъ, и предложилъ мнѣ выслушать то, что имѣлъ мнѣ сказать этотъ татаринъ. Я подозвалъ его. „Насъ семеро, сказалъ онъ мнѣ, и всѣ мы хорошо вооружены, сильны, смѣлы и на хорошихъ лошадяхъ. Въ случаѣ нападенія небольшого непріятельскаго отряда, мы почти увѣрены въ побѣдѣ. Если же намъ повстрѣчается много непріятелей, то мы можемъ спастись бѣгствомъ и мало вѣроятій, чтобы насъ догнали. Но если мы возьмемъ съ

собою этихъ казаковъ съ ихъ изморенными клячами, то на насъ нападуть безъ всякаго сомнѣнія и мы будемъ обязаны честью не бросать ихъ“.

Хотя въ началѣ, это предложеніе нѣсколько удивило меня, однако вскорѣ я сообразилъ, что татаринъ совершенно правъ и что онъ благоразумнѣе всѣхъ, какъ ни хвастливо могло показаться его предложеніе. Поразмысливъ хорошенько, я изъяснилъ готовность принять его.

Въ бричку впрягли четырехъ сильныхъ лошадей и вскорѣ мы въѣхали въ плодоносныя равнины Кабарды, лежащія между кавказскими горами и собственно русскими землями, и пересѣкаемыя значительно высокими кряжами. Тамъ, гдѣ я находился, земля была ровная, гладкая, неимовѣрно тучная и плодородная.

Вечеромъ мы пріѣхали на русскій военный постъ, гдѣ переночевали. Это было небольшое укрѣпленіе, окруженное землянымъ валомъ и занятое тремя ротами пѣхоты и небольшимъ отрядомъ казаковъ, съ нѣсколькими орудіями. У подошвы вала былъ глубокій, но высохшій ровъ, съ подъемнымъ мостомъ, который на день опускался.

На другой день вечеромъ, мы прибыли въ Екатериноградъ, не встрѣтивъ ничего особеннаго, такъ что проводникъ мой объявилъ, что меня хранить высшая сила, благосклонная къ англичанамъ. Отсюда, можно было безопасно ѣхать по большой дорогѣ, лежащей къ сѣверу. Но намъ предстояло ѣхать проселечною дорогою, ведшею въ Пятигорскъ и почти столь же опасною, какъ и та, которую мы только что проѣхали потому что она лежала близъ самаго театра войны.

Мы выѣхали рано утромъ, на слѣдующій день, и кавказская природа опять предстала передъ нами во всей свойственной ей свѣжести и красотѣ. Мы остановились у горнаго потока и всматривались въ восхитительный пейзажъ, открывшійся нашимъ взорамъ. Но на этой плодородной долинѣ, окаймленной зелеными горами и представлявшей все, о чемъ можетъ мечтать художникъ, нигдѣ не было ни слѣда деревни или жилища. Каменистая степь Аравіи не могла быть пустыньѣ этого земнаго рая, котораго могильное безмолвіе прерывалось лишь стукомъ лошадиныхъ копытъ, бряцаньемъ оружія, боевыми кликами сражающихся и столами раненыхъ.

Я былъ выведенъ изъ задумчивости голосомъ моего проводника, напомниваго объ опасности продолжительнаго пребыванія въ этомъ мѣстѣ. Мы опять уѣли въ сѣдло и поѣхали. Недоѣзжая полу-мили до слѣдующаго военнаго поста, мы вдругъ увидали на горизонтѣ, въѣзжая на невысокій холмъ, человекъ двадцать всадниковъ, которыхъ оружіе ярко блестѣло на солнцѣ и которые ѣхали по тому же самому направленію, которое намъ предстояло взять.

„Равняйся! Крупной рысью! Не стрѣлять, пока нельзя бить въ упоръ!“ вотъ всѣ сдѣланныя распоряженія. Кучеру велѣно было гнать во всю прыть къ ближнему посту и дать знать, чтобы оттуда выслали помощь. Насъ успокоивала мысль, что мы уже близки къ форту и что при первыхъ выстрѣлахъ, гарнизонъ поспѣшитъ къ намъ на помощь.

Однако, немного спустя, вся наша тревога оказалась напрасною. Всадники были русскіе офицеры и приблизившись къ нимъ, мы узнали, по мундирамъ и

перьямъ, что это высшіе офицеры русской арміи. „Это главнокомандующій съ своимъ штабомъ“, пояснилъ мой проводникъ. Дѣйствительно это былъ генераль Граббе. Онъ ревизовалъ форпосты. Быстро проскакавъ мимо насъ, генераль привѣтливо отвѣтилъ на нашъ поклонъ.

Будучи такъ близко къ цѣли нашего путешествія и къ такому значительному гарнизону, какъ Пятигорскъ, мы сочли себя внѣ опасности и рѣшились опять сѣсть въ бричку. Утомленный нѣсколько быстрою ѣздою верхомъ, я немедленно погрузился въ глубокій сонъ, отъ котораго меня внезапно пробудило странное ощущеніе: мнѣ казалось во снѣ, что меня качаетъ волнами Чернаго моря. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что наши лошади несутся разстилаясь по землѣ, во всю лошадиную прыть. Прежде чѣмъ я успѣлъ обратиться къ кучеру съ вопросомъ, мнѣ показалось, что мы закрутились въ воздухѣ и какъ бы подброшенные вихремъ, перелегѣли на другую сторону дороги. Тутъ послѣдовала неописанная сцена смятенія. Всѣ кричали, ругались, звали на помощь на всевозможныхъ языкахъ, по русски, по англійски, по турецки, по персидски, по арабски. Ошеломленный, я едва могъ прійти въ себя и только черезъ нѣсколько минутъ сталъ дѣлать отчаянныя попытки выбраться изъ брички. Прежде нежели мнѣ это удалось, вниманіе мое было поражено глухими, подавленными криками моего проводника, которые привели меня въ ужасъ. По ближайшемъ изслѣдованіи, я убѣдился, что его жалобные стоны были не совсѣмъ безпричинны, потому что я самъ, собственною особою, лежалъ на лицѣ бѣдняги и душилъ его, ни мало того не подо-

зрѣвая. Послѣ напряженныхъ усилій, мнѣ удалось выбраться въ окно брички и потомъ, съ помощью казаковъ, вытащить за ноги капитана. Мой слуга и одинъ изъ служителей капитана, сидѣвшій на запяткахъ, побывали въ болотѣ и имѣли самый жалкій видъ. Убѣдясь въ цѣлости нашихъ костей, мы напали на кучера, которому досталось на всѣхъ языкахъ, а казаки, въ добавокъ, погладили его, по древне русскому обычаю, нагайками по спинѣ.

Когда унялась и эта буря, мы поѣхали, раздосадованные и мрачные, въ Пятигорскъ, куда прибыли въ тотъ же вечеръ, безъ дальнѣйшихъ приключеній; неприятно было только то, что ѣхавшіе съ нами казаки не совсѣмъ удачно скрывали свой смѣхъ надъ нашимъ приключеніемъ.

Въ Пятигорскѣ, я встрѣтилъ нѣсколькихъ русскихъ офицеровъ, съ которыми я познакомился въ Петербургѣ, и мы пріятно и не безъ приключеній провели вмѣстѣ нѣкоторое время.

Разъ какъ-то, я отправился, съ однимъ молодымъ ротмистромъ, мили за три въ горы, полюбоваться великолѣпнымъ видомъ кавказскихъ исполиновъ. Насладившись красотами природы, мы пустились въ обратный путь и часа въ три дня, пріѣхали къ потоку у подошвы горы, гдѣ мы оставляли нашихъ лошадей подъ присмотромъ молодаго парня. Не подалеку отъ этого мѣста, трое мужчинъ и два мальчика жали хлѣбъ. Одинъ изъ взрослыхъ пошелъ съ ротмистромъ и съ двумя сопровождавшими насъ татарами, въ ближнюю деревню, добыть для насъ хлѣба и молока, такъ какъ мы ничего не ѣли съ четырехъ часовъ утра и были крайне истощены ходьбою по горамъ.

Едва успѣлъ я разлечься на мягкой травѣ, по уходѣ моего товарища, какъ передо мною предсталъ молодой человѣкъ, при видѣ котораго не только бывшіе около меня крестьяне, но и я самъ, почтительно вскочили на ноги. Очевидно, что молодой человѣкъ никакъ не ожидалъ встрѣтиться со мною въ этомъ мѣстѣ; первымъ движеніемъ его было, при моемъ видѣ, спрятать руку подъ широкій шерстяной плащъ, брошенный на его плечи. Я машинально послѣдовалъ его примѣру и придвинулъ руку къ бывшимъ у меня за поясомъ пистолетамъ.

Незнакомецъ устремилъ свои большіе черные глаза на черкеса, служившаго намъ проводникомъ, и обратился къ нему на никогда неслыханномъ мною языкѣ, вѣроятно на одномъ изъ кавказскихъ нарѣчій. Горецъ отвѣчалъ ему самымъ смиреннымъ тономъ и во время ихъ объясненія, мнѣ показалось, что было произнесено нѣсколько разъ слово „англичанинъ“. Я всматривался пока въ лицо и фигуру незнакомца и это совсѣмъ не поощряло меня выпустить изъ рукъ пистолетъ. Незнакомцу можно было дать на видъ лѣтъ двадцать семь или двадцать восемь; онъ былъ хорошо сложенъ и, повидимому, гибокъ и силенъ какъ пантера. Лицо его было красивѣе всего, видѣннаго мною даже въ этой странѣ красоты, и могло поспорить, въ античной правильности, съ лучшими произведеніями греческаго рѣзца, хотя кожа его значительно загорѣла; его большіе, черные глаза, въ которыхъ въ первую минуту блеснуло что-то дикое и враждебное, постепенно приняли, во время разговора съ черкесомъ, болѣе мягкое выраженіе.

Къ концу этого разговора, лицо незнакомца со-

всѣмъ просвѣтлѣло и онъ приблизился ко мнѣ, протягивая руку и говоря по турецки: „Не бойся; я узналъ, что ты англійскій офицеръ, о которомъ я много слышалъ. Ты поддерживаешь добрую славу твоихъ соотечественниковъ, которые такъ охотно рискуютъ жизнью. Очень радъ, что видѣлъ тебя. Позволь только дать тебѣ на прощанье дружескій совѣтъ: будь впередъ осторожнѣе, не отдаляйся отъ русскихъ фортостовъ; окрестности не безопасны и съ тобою можетъ приключиться не хорошее“. Съ этими словами онъ отвернулся и скрылся въ чащѣ лѣса.

Едва ушелъ незнакомецъ, какъ вернулся ротмистръ, которому нашъ проводникъ разсказалъ о случившемся. Ротмистръ засмѣялся, полагая, что все это сказка, но когда я подтвердилъ разсказъ, онъ пришелъ въ замѣтное безпокойство, по всѣмъ вѣроятіямъ, не безпричинное, потому что онъ былъ человѣкъ опытный и уже успѣлъ отличиться въ кавказской войнѣ.

Мы тотчасъ отправились въ обратный путь и когда пріѣхали, вечеромъ, въ Пятигорскъ, то мой спутникъ значительно сказалъ, пожавъ мнѣ руку, что мы счастливо отдѣлались отъ нашего приключенія. На другой день, мы услышали, что отрядъ черкесовъ, подъ начальствомъ самаго храбраго изъ ихъ вождей, переправился за Кубань и сдѣлалъ нападеніе на нѣсколько военныхъ постовъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, я отправился въ одно укрѣпленіе, миляхъ въ трехъ отъ Пятигорска. Я провелъ тамъ дней десять, охотясь въ обществѣ молодыхъ офицеровъ, лѣсистая и малонаселенная мѣстность доставила намъ богатую добычу. Разъ какъ то, не слушая предостереженій опытныхъ офи-

церовъ, мы рискнули отдалиться мили на двѣ отъ цѣпи русскихъ фарпостовъ, и послѣ утомительной охоты, расположились пообѣдать на возвышенности, съ которой открывался очень живописный видъ. Отдохнувъ съ полчаса, нѣкоторые изъ насъ сѣли опять на лошадей, пока другіе прикрѣпляли сѣдла, или продолжали еще нѣжиться, развѣсивъ на мягкой травѣ. Вдругъ двое изъ нашей партіи, подѣхавшіе къ окраинѣ холма, чтобы еще разъ обозрѣть пейзажъ, поскакали обратно, съ выраженіемъ испуга на лицахъ, и промчались мимо насъ къ противоположной сторонѣ холма, закричавъ намъ: „Черкесы! черкесы!“ Большая часть изъ насъ бросились за ними вслѣдъ, только двое, я да одинъ нѣмецкій офицеръ, остались, не понимая хорошенько въ чемъ дѣло, пока намъ не объяснили всякими жестами, чтобы мы поскорѣ слѣдовали за другими. Догнавъ ихъ, мы узнали причину ихъ испуга. Шагахъ въ пяти стахъ отъ насъ былъ усмотрѣнъ отрядъ черкесовъ, человекъ изъ пятнадцати, пробиравшійся, крадучись, въ низкомъ кустарникѣ, съ очевиднымъ намѣреніемъ напасть на нашъ приваль.

Вся наша партія согласилась спастись бѣгствомъ, но я представилъ опасность, которой мы все подверглись бы, еслибы непріятель насъ увидѣлъ, такъ какъ онъ, на своихъ свѣжихъ лошадяхъ, несомнѣнно нагналъ бы насъ. Я совѣтовалъ какъ можно тише спуститься съ холма, пока мы не скроемся изъ глазъ черкесовъ, и тогда уже пришпорить нашихъ лошадей. Мой совѣтъ былъ принятъ. Спустя четверть часа, между нами и непріятельскимъ отрядомъ легла лѣсистая высота и тутъ уже мы вихремъ помчались по

равнинѣ. Часа черезъ два, мы пріѣхали въ укрѣпленіе безъ дальнѣйшихъ приключеній, кромѣ развѣ того, что намъ пришлось нѣсколько разъ переправляться черезъ бурные горные потоки, что было не совсѣмъ безопасно, да при томъ же подвергало насъ непріятности брать холодную ванну.

По пріѣздѣ въ форпосты, мы были не мало удивлены, найдя тамъ небольшую партію черкесовъ, которые, какъ мы узнали, отданы были подъ надзоръ сторожевымъ пикетамъ. На наши распросы отвѣчали, что за часъ передъ тѣмъ, пришло приказаніе коменданта задерживать, до слѣдующаго утра, на пограничной чертѣ, всѣхъ, кто прибудетъ съ Кавказа. Одинъ изъ офицеровъ спросилъ черкесовъ, за чѣмъ они пришли въ укрѣпленіе, на что старшій изъ нихъ отвѣтилъ, глядя на насъ совершенно спокойно и равнодушно, „что они мирные и пришли въ крѣпость продать нѣсколько головъ рогатаго скота“. Но лукавый взглядъ, которымъ бѣгло обмѣнялись, при этихъ словахъ, два другіе черкеса, ясно говорилъ, что они пришли совсѣмъ съ другою цѣлью.

Въ тотъ самый вечеръ, у коменданта крѣпости былъ назначенъ большой балъ. Между балными залами, гдѣ собралось общество, и моимъ жилищемъ, лежалъ мелкій кустарникъ, чрезъ который вела узкая тропинка. Когда я шелъ по ней, вечеромъ, надъ моимъ ухомъ раздался въ темнотѣ окликъ: „Кто идетъ?“ Я всмотрѣлся и отличилъ фигуру русскаго солдата. Давъ надлежащій отвѣтъ, я прошелъ далѣе, но эта необыкновенная предосторожность, заставлявшая предполагать, что грозитъ опасность, внушила мнѣ нѣкоторое безпокойство. Оно далеко не разсѣялось, когда я раз-

личилъ, не вдаль, по обѣимъ сторонамъ дороги, глухой говоръ, къ которому примѣшивалось тихое бряцаніе оружія; я догадался, что по близости расположены значительныя военныя силы.

Первымъ моимъ побужденіемъ, при входѣ въ балъный залъ, было всмотрѣться въ лицо коменданта, обыкновенно выражавшее непоколебимое спокойствіе; на этотъ разъ, оно было очевидно омрачено заботою, придававшею его серьезнымъ и холоднымъ чертамъ мрачное, почти грозное выраженіе.

Тѣмъ не менѣе, балъ былъ въ полномъ разгарѣ; вальсы, галопы, мазурки чередовались непрерывно. Въ одинъ изъ промежутковъ, я подошелъ, съ одною дамою, къ полуотворенному окну, выходившему на балконъ, и залюбовался на звѣздное южное небо, какъ вдругъ дама схватила меня за руку и въ испугѣ вскрикнула: „Боже мой! Вы слышали?“

— Я ничего не слыхалъ, сказалъ я, чтобы успокоить ее и отвелъ ее на ея мѣсто. Но она не ослышалась, залпъ артиллеріи ясно долетѣлъ до моего слуха. Теперь для меня стало ясно, что надъ нами собирается гроза, исходъ которой легко могъ сдѣлаться роковымъ для насъ. Однако лицо коменданта, возвратившагося въ балъную залу послѣ короткой отлучки, было теперь яснѣе и спокойнѣе прежняго и я подмѣтилъ даже, что онъ глубоко вздохнулъ и обвелъ глазами ярко освѣщенную залу съ танцующими гостями, какъ будто бы почувствовавъ себя облегченнымъ отъ тяжелой заботы.

Послѣ ужина, часу во второмъ, дамы разошлись. Мужчины собирались сдѣлать то же самое, когда я вышелъ на балконъ и остановился, пораженный ве-

личественнымъ зрѣлищемъ, подтвердившимъ всѣ мои опасенія. Темнота ночи начинала уступать мѣсто зарѣ, но небо еще было устѣяно милліонами звѣздъ и при серебристомъ свѣтѣ мѣсяца, сверкали пики и штыки солдатъ, покрывавшихъ, группами, все видимое пространство. Казаки лежали, завернувшись въ шинели, подлѣ своихъ лошадей, осѣдланныхъ и привязанныхъ къ воткнутымъ въ землю пикамъ. Пѣхотинцы спали рядами, съ оружіемъ въ рукахъ, а артиллеристы прилегли подлѣ своихъ орудій, за исключеніемъ немногихъ, которые стояли съ зажженными фитилями, готовые, по первому сигналу, послать смерть въ непріятельскіе ряды.

Я узналъ тутъ, отъ одного офицера, что комендантъ еще по утру получилъ извѣстіе, что черезъ Кубань переправился значительный отрядъ черкесовъ, съ намѣреніемъ напасть, ночью, на это укрѣпленіе. Гарнизонъ состоялъ всего изъ одного батальона и роты казаковъ, поэтому комендантъ, не теряя времени, послалъ за подкрѣпленіемъ въ ближайшій постъ, но чтобы не пугать женщинъ, опасность скрывали до полуночи, когда пришло подкрѣпленіе. Впрочемъ, она еще не миновала, хотя и можно было предполагать, что черкесы не рискнутъ нападеніемъ, сулившимъ имъ такъ мало успѣха, тѣмъ болѣе, что за годъ до того, они были оттѣснены съ большимъ урономъ отъ этой самой крѣпости. Они не могли не знать о прибытіи подкрѣпленія.

Было около трехъ часовъ утра. Гости разошлись и мы бродили, разговаривая, между рядами солдатъ, какъ вдругъ до нашего слуха дошелъ глухой шумъ, то заглушаемый шелестомъ листвы, то опять слышав-

шійся ясніе, и наконецъ, приблизившійся на столько, что привычное ухо могло различить въ немъ топотъ приближающейся конницы. Въ крѣпости забилъ барабанъ и затрубили сигнальные рога; въ одну минуту, всѣ солдаты вытянулись въ ряды и ждали врага также невозмутимо, какъ передъ тѣмъ спали.

Прошло еще четверть часа. Топотъ умолкъ и ничего не было видно, кромѣ казацкихъ пикъ, сверкавшихъ подъ блѣднѣвшимъ лучемъ мѣсяца. Наконецъ, невидимый врагъ должно быть показался; отрядъ казаковъ отдѣлился и рысью понесся впередъ, имѣя впереди себя стрѣлковъ. Многіе изъ насъ примкнули къ этому отряду. Мы проскакали такимъ образомъ съ добрую четверть мили и вдругъ остановились: передъ нами, шагахъ въ трехъ стахъ, стояла темная сплошная масса конницы. Впереди нея, нѣсколько съ боку, находилось восемь или десять всадниковъ, съ блестящимъ оружіемъ и упряжью, составлявшихъ рѣзкій контрастъ съ нѣсколькими двигавшимися около нихъ темными пѣшими фигурами, по всѣмъ вѣроятіямъ, принесшими имъ извѣстіе о нашемъ движеніи. Вдругъ одинъ изъ этихъ всадниковъ, судя по вооруженію и осанкѣ, начальникъ всего отряда, быстро повернулъ свою лошадь и поскакалъ, одинъ, прямо на насъ, между тѣмъ какъ спутники его послѣдовали за нимъ медленнѣе, чтобы тотчасъ подоспѣть къ нему, въ случаѣ надобности.

Позади насъ что то зашипѣло и затрещало; въ то же мгновеніе, въ воздухѣ взвилось штукъ двѣнадцать ракетъ и брандскугелей, озарившихъ всю сцену синеватымъ, брезжущимъ свѣтомъ. Но вождь черкесовъ не струсиль и приблизился къ намъ еще на нѣсколь-

ко шаговъ, чтобы точнѣе узнать численность и положеніе нашего отряда. Онъ остановился такъ близко къ намъ, что казаки безъ труда могли бы застрѣлить его и сознаюсь, что я съ замираніемъ сердца ждалъ ежеминутно этого выстрѣла. Но вдругъ, начальникъ черкесовъ повернулъ свою лошадь, присоединился къ своей свитѣ и сказавъ ей нѣсколько словъ, поскакалъ рысью къ своему отряду; непріятельская конница заколебалась и повернувъ лошадей, усакала умѣренною рысью. Темная масса скрылась въ чащѣ лѣса, оставивъ передъ нами пустое пространство; только глухой стукъ удалявшихся копытъ нарушалъ еще нѣсколько минутъ тишину и потомъ все замолкло.

Во все это время, я не сводилъ глазъ съ начальника черкесовъ, въ которомъ я съ удивленіемъ узналъ стараго знакомаго, того самаго, который встрѣтился мнѣ въ горахъ; я согласился теперь, что онъ былъ совершенно правъ, говоря что окрестности не безопасны и что не слѣдуетъ отлучаться слишкомъ далеко за форпосты.

Я провелъ въ этой крѣпости еще около недѣли, прельстившись ея окрестностями, пріятнымъ обществомъ и въ особенности, охотою; но наконецъ, пришлось подумать и объ отъѣздѣ и я сталъ готовиться въ путь вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ.

Въ одно прекрасное утро, наши лошади были осѣдланы и ждали насъ, пока мы допивали кофе, наслаждаясь дорогимъ персидскимъ табакомъ, въ обществѣ нашего любезнаго хозяина. Вдругъ мнѣ показалось, что вдали глухо стукнулъ выстрѣлъ. Я прислушался; но вокругъ меня была глубокая тишина; ни малѣйшаго звука не проносилось въ воздухѣ, кромѣ

говора нашего общества и нетерпѣливаго постукиванья лошадиныхъ копытъ. Я уже думалъ что я ошибся; но выйдя въ небольшой палисадникъ, окружавшій домъ, я услыхалъ вторичный выстрѣлъ и на этотъ разъ уже такъ ясно, что не осталось и возможности сомнѣнія. Поспѣшно вернулся я въ домъ и разска- залъ всему обществу о слышанномъ.

Всѣ высыпали въ садъ и нѣсколько казаковъ легли на землю, чтобы прислушаться. Но едва они успѣли опуститься, какъ одинъ изъ нихъ вскочилъ и сказалъ что то по-русски, чему офицеры не хотѣли вѣрить. Между тѣмъ пальба стала слышаться такъ ясно, что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что это залпы артиллеріи, сильно дѣйствующей на разстояніи нѣсколькихъ миль.

Съ магическою быстротою, тишина смѣнилась дви- женіемъ, бѣготнею, стукомъ оружія; пронзительныя звуки трубъ будили тѣхъ, кто еще спалъ и въ невѣ- роятно короткое время, всѣ казаки были на лошадяхъ и на своихъ постахъ; пушки вывезены и заряжены и нѣсколько отрядовъ выслано въ разѣздъ по различ- нымъ направленіямъ. Болѣе значительный отрядъ изъ всѣхъ солдатъ, въ которыхъ могла обойтись пока крѣпость, поскакалъ въ направленіи, откуда слыша- лись выстрѣлы.

Мусульмане вѣрятъ, что все на свѣтѣ предопре- дѣлено и что человѣку не избѣжать своей судьбы. Въ эту минуту, я былъ склоненъ вѣрить въ нѣчто подобное, потому что не смотря на всѣ предосторож- ности и на все мое стараніе не подвергаться беспо- лезно опасности, я уже въ третій или четвертый разъ

рисковалъ принять участіе въ войнѣ, до которой мнѣ не было никакого дѣла.

Внимательно всматриваясь въ ту сторону, гдѣ долженъ былъ идти бой, я вдругъ замѣтилъ, что небо приняло тамъ другой колоритъ.

Горизонтъ начиналъ окрашиваться въ ярко красный цвѣтъ, который не могъ происходить отъ восходящаго солнца, потому что было еще слишкомъ рано, да и при томъ же это была не восточная сторона. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что нападавшіе побѣдили и взявъ штурмомъ укрѣпленіе, подожгли его по своему обыкновенію.

Наконецъ медленно и величественно взошло солнце и облило весь этотъ дивный пейзажъ своими яркими лучами. Мы тоскливо ждали извѣстій съ мѣста дѣйствія и прождали не долго. Черезъ часъ, наши солдаты возвратились и привели съ собою тѣхъ, кому удалось бѣжать съ побоища; это были большею частью тяжело раненные. Отъ нихъ мы узнали подробности случившагося.

Бѣдняги принадлежали къ недавно учрежденному посту, находившемуся миляхъ въ двухъ отъ нашей крѣпости, и состоявшему изъ трехъ ротъ пѣхоты, отряда дунайскихъ казаковъ и нѣсколькихъ орудій. Болѣе счастливый нежели другіе форпосты, онъ еще ни разу не подвергался непріятельскому нападенію; это повело къ постепенному пренебреженію мѣрами предосторожности. Въ этомъ фортѣ допускались даже небольшіе отряды черкесовъ изъ дружественнаго племени, которые вели торговлю съ солдатами. Наканунѣ, вечеромъ, въ фортъ приходила партія такихъ куп-

цовъ и высмотрѣла его укрѣпленія и средства защиты. Нападеніе началось съ первымъ разсвѣтомъ и отрядъ конныхъ черкесовъ остался въ ближнемъ лѣсу, чтобы прикрыть отступленіе, въ случаѣ неудачи, или удержать подходящія подкрѣпленія. Остальные черкесы бросились, съ свойственнымъ имъ презрѣніемъ къ опасности, на изрыгавшія смерть орудія, влезли на шанцы и вскорѣ ворвались въ фортъ. Здѣсь тяжеловѣснымъ русскимъ солдатамъ уже не подъ силу было тягаться съ проворными какъ кошки горцами. Гарнизонъ отчаянно защищался: штыки и пики выбивали пашки изъ рукъ смѣлыхъ горцевъ и все укрѣпленіе было обито кровью. Среди ожесточенной бойни раздавался голосъ молодого черкесскаго вождя, поощрявшаго осаждавшихъ своимъ примѣромъ.

Черезъ часъ, дѣло уничтоженія было кончено и изъ всего русскаго гарнизона не осталось въ живыхъ ни одного человѣка, исключая тѣхъ не-многихъ, которые успѣли, тяжело раненные, скрыться въ чащѣ лѣса. Я сдѣлалъ имъ нѣсколько вопросовъ касательно непріятельскаго вождя, который, какъ я убѣдился, былъ грозою всей окрестности. Мнѣ описали его, какъ молодого человѣка, необыкновенно талантливаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ, но на столько же жестокаго, на сколько храбраго. Нѣкоторые другія подробности, слышанныя мною отъ раненыхъ, не оставили мнѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что это опять дѣло моего знакольца.

Спустя два дня, мы возвратились подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя, въ Пятигорскъ, куда пріѣхалъ на слѣдующее утро, генераль-губернаторъ и я имѣлъ

удовольствіе свидѣться съ многими изъ моихъ тифлисскихъ знакомыхъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, губернаторъ далъ блестящій балъ, на которомъ были, въ числѣ приглашенныхъ, нѣкоторые изъ сосѣднихъ черкесскихъ и татарскихъ князей. Ихъ дорогія и блестящія одежды придали балу много оригинальности. Нужно было видѣть, съ какимъ достоинствомъ проходили эти высокія, античныя фигуры, покрытыя золотомъ и драгоценностями, между рядами гостей! они въ первый разъ были введены въ европейское общество, но держали себя такъ непринужденно, точно будто бы они всю жизнь провели при дворахъ, а не въ боевыхъ разъѣздахъ по горамъ своей дикой родины. Но не смотря на ихъ наружную безпечность и свободное обращеніе, меня поразило въ нихъ то, что они постоянно держали руку на рукояткѣ своей шашки или кинжала и окидывали по временамъ разряженную толпу такимъ сухимъ и вызывающимъ взглядомъ, который ясно говорилъ, что они охотно измѣнили бы эту картину веселья въ сцену истребленія и кровопролитія.

Генераль-губернаторъ провелъ въ Пятигорскѣ всего нѣсколько дней, потому что его присутствіе требовалось на югѣ. Едва онъ уѣхалъ, какъ окрестность начали тревожить безпрестанные наѣзды и грабежи. Даже близъ самой крѣпости не было безопасности отъ нападеній и безъ конвоя нельзя было отлучаться даже на получасовое разстояніе. Разъ утромъ, самый Пятигорскъ внезапно загорѣлся съ трехъ концовъ и не было никакой возможности, ни открыть поджигателей, ни предупредить дальнѣйшіе пожары.

Черезъ день послѣ того, черкесы напали на форпостъ, не по далеку отъ Пятигорска, и тяжело раненый комендантъ его рассказывалъ мнѣ впослѣдствіи слѣдующія подробности объ этомъ дѣлѣ.

Гарнизонъ форпоста состоялъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и четырехъ орудій, ему поручено было охранять значительный конскій заводъ и многочисленныя стада. Хотя гарнизонъ былъ незначителенъ, но за то форпостъ былъ сильно укрѣпленъ и поэтому черкесы уже давно не покушались нападать на него, такъ что солдаты были совершенно спокойны на этотъ счетъ. Тѣмъ не менѣе, они оказали мужественное сопротивление и начальникъ ихъ, уже давно служившій на Кавказѣ и привыкшій къ войнѣ съ горцами, принялъ всѣ мѣры съ совершеннымъ хладнокровіемъ и присутвіемъ духа. Это тѣмъ болѣе ожесточило нападавшихъ, которые, зная о слабости гарнизона, не предвидѣли такого сильнаго отпора.

Комендантъ, хорошо зная превосходство черкесовъ въ рукопашной, старался удержать ихъ, непрерывнымъ артиллерійскимъ огнемъ, вдали укрѣпленій, пока громъ пальбы не вызоветъ подкрѣпленія съ сосѣднихъ постовъ. Но и черкесы знали всю цѣну времени; непреодолимымъ натискомъ, они взяли шанцы, не смотря на губительный огонь, страшно опустошавшій ихъ ряды, и произвели въ гарнизонѣ страшную рѣзню, пока нѣкоторые изъ нихъ поджигали строенія, а другіе угоняли скотъ. Не довольствуясь этимъ, предводитель черкесовъ продолжалъ напирать на немногихъ русскихъ, уцѣлѣвшихъ отъ гарнизона, и казалось уже что изъ двухъ сотъ солдатъ ни одинъ не избѣжитъ шашки побѣдителей, какъ вдругъ отдаленный топотъ

показаль, что къ русскимъ приближается подкрѣпленіе. Это былъ отрядъ линейныхъ казаковъ, скакавшій къ укрѣпленію крупнымъ галопомъ и подоспѣвшій въ самую пору, чтобы спасти его послѣднихъ защитниковъ; три четверти гарнизона лежали раненые или убитые на мѣстѣ дѣйствія и всѣ стада и запасы были въ непріятельской власти.

Казаки, приведенные въ ярость представившимся имъ зрѣлищемъ, едва давъ перевести духъ своимъ лошадямъ, помчались въ погоню за непріателемъ, котораго они вскорѣ настигли. Но преслѣдуя бѣгущихъ, они незамѣтно попали въ узкое ущелье. Едва они достигли половины его, какъ со всѣхъ сторонъ раздался оглушительный бранный крикъ и на казаковъ бросились горцы, скрывавшіеся въ засадѣ.

Въ то же время и бѣгущіе внезапно повернулись къ нимъ фронтомъ. Но казаки не растерялись и въ эту опасную минуту. Сомкнувшись въ узкій, тѣсный строй, они стали отступать шагъ за шагомъ и хотя потеряли при этомъ многихъ товарищей, однако произвели отступленіе въ порядкѣ и не опускаая оружія.

Подробности этого разсказа показали мнѣ, что и въ этомъ дѣлѣ главнымъ двигателемъ былъ мой горный знакомецъ, это полусказочное существо.

О С Е Т И Н Ы .

(изъ путешествія кола по южной россіи).

Осетины, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ племенъ негостепріимнаго Кавказа. Они населяютъ ту

часть большой цѣпи Кавказскихъ горъ, которая лежитъ между Эльбрусомъ и Казбекомъ, наполняя всѣ ея долины и ущелья.

Во время одного изъ моихъ походовъ, въ качествѣ русскаго офицера, подъ начальствомъ графа Паскевича, мнѣ удалось взять въ плѣнъ нѣсколькихъ значительныхъ осетинъ. Я обращался съ ними не какъ съ плѣнными, а какъ съ друзьями, и это такъ привлекло ихъ ко мнѣ, что между нами возникла тѣсная дружба. Наконецъ, я рѣшился даже освободить ихъ, сказавъ имъ, что я принимаю это на свою отвѣтственность и подвергаюсь можетъ быть изъ дружбы къ нимъ, большимъ непріятностямъ. Проникнутые благодарностью, они просили меня пріѣхать когда нибудь въ ихъ края, обѣщая сдѣлать для меня все, что будетъ въ ихъ силахъ. Я обѣщалъ и дѣйствительно вознамѣрился сдѣлать это, поэтому ихъ обѣщаніе гостепріимства и защиты было для меня очень кстати.

Прошло нѣсколько времени. Я собрался ѣхать познакомиться съ образомъ жизни и строною осетинъ. Помня обѣщаніе моихъ старыхъ друзей, я далъ имъ знать о моемъ намѣреніи и въ назначенный день, они выѣхали ко мнѣ на встрѣчу на границу, въ числѣ десяти человѣкъ. Меня сопровождалъ толмачъ, армянинъ, и насъ повезли съ нимъ повсюду, гдѣ я желалъ быть, и повсюду, благодаря рекомендаціи моихъ друзей, меня принимали очень радушно. Впрочемъ, по временамъ, когда они не совсѣмъ довѣряли жителямъ какого нибудь ущелья, они уговаривали меня не ѣздить въ то мѣсто и предлагали другое.

Я не нашель, у осетинъ, никакихъ слѣдовъ бла-

гоустроеннаго государства, или всеми признаннаго правительства; не было у нихъ также и религіозныхъ учрежденій; но за то повсюду признавалась власть главы семейства, и чѣмъ многочисленнѣе были его домочадцы, тѣмъ онъ былъ могущественнѣе; такимъ образомъ, въ каждой долигѣ господствовали по одному или по два старика, которыхъ власть походила на власть арабскихъ шейховъ. Сверхъ того, я нашелъ, въ этой странѣ, нѣкоторые странные законы, признававшіеся всеми; такъ напримѣръ, тамъ была установлена такса на людей, даже на каждый членъ человеческого тѣла; но единственною ходячею монетою служили у осетинъ быки и коровы. За убійство главы большой семьи платили, напримѣръ, восемнадцатью восемнадцать быковъ, т. е. 324 быка, а быкъ цѣнился у осетинъ въ пять рублей серебромъ. Менѣе значительный глава семейства оцѣнивался всего въ девятью девять быковъ, т. е. въ 81 быкъ, и такимъ образомъ нисходя до простаго человѣка, который стоилъ 18 быковъ.

Я имѣлъ нѣсколько разъ случай присутствовать при судахъ и даже самъ далъ поводъ къ собранію одного изъ нихъ. Расскажу этотъ случай, какъ характеризующій осетинъ во многихъ отношеніяхъ.

Однажды, я нѣсколько опередилъ своихъ спутниковъ и очутился одинъ на дорогѣ; какъ вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня показался пожилой осетинъ шедшій прямо на меня. Не ожидая отъ него ничего добраго, я схватился за ружье и закричалъ осетину, чтобы онъ не подходилъ. Но осетинъ, бросилъ свое оружіе, въ знакъ миролюбія и, подойдя ко мнѣ, рассказалъ мнѣ, съ помощью подоспѣвшаго

къ намъ тѣлмача, исторію своихъ несчастій, выразивъ, въ заключеніе, надежду, что вліятельный русскій, о которомъ онъ слышался столько хорошаго, не откажетъ заступиться за него. По его словамъ, онъ былъ теперь нищій, тогда какъ еще за годъ до того, онъ былъ главою значительной фамиліи. Тогда у него было шесть сыновей, изъ которыхъ трое были женаты; его семья состояла изъ шестнадцати мужчинъ. Сыновья его имѣли раздоры съ одною изъ сосѣднихъ сильныхъ фамилій, которая обвиняла наконецъ старшаго изъ нихъ въ томъ, что онъ будто бы убилъ собаку на могилѣ ихъ предковъ (величайшее оскорбленіе, какое можно нанести осетину); это повело къ схваткѣ, въ которой сынъ моего новаго знакома, былъ убитъ. Отецъ, пораженный горемъ, рѣшился отмстить за это собственною рукою и не клалъ ружья, пока ему не удалось убить важнѣйшаго изъ убійцъ его сына. Такимъ образомъ, дѣло можно было бы считать поконченнымъ, потому что съ обѣихъ сторонъ было пролито равное количество крови. Но враги его не переставали завидовать его цвѣтущей семьѣ и зажиточности, и сговорились погубить его счастье. Разъ, въ темную ночь, они окружили его домъ многочисленною военною силою и разбудили его своими криками мести. Нѣсколько времени, онъ храбро защищался вмѣстѣ съ своими сыновьями и слугами, но вдругъ весь домъ его охватило пламя: непріятель обложилъ его хворостомъ и поджегъ. Пришлось спастись бѣгствомъ и тутъ всѣ его сыновья, съ ихъ женами и дѣтьми, были безчеловѣчно перебиты врагами. Уцѣлѣлъ онъ одинъ съ своимъ горемъ. Истощенный нищетою и отчаяніемъ, онъ уже не имѣлъ

силы мстить самъ, въ правосудіи ему было отказано соплеменниками, поэтому самъ рѣшился прибѣгнуть за нимъ къ русскому.

Я немедленно отправился со всѣми сопровождавшими меня осетинами къ врагамъ старика и созвавъ ихъ всѣхъ, представилъ имъ все беззаконіе ихъ поступка; въ особенности напиралъ я на то, что они умертвили четырнадцать человѣкъ за одного. Они возразили на это, что ихъ одинъ былъ лучше всѣхъ четырнадцати, со всѣмъ ихъ хозяйствомъ и стадами. Я потребовалъ, чтобы они вознаградили обиженнаго за потери, но они хладнокровно отвѣтили, что никогда не сдѣлаютъ этого. Тогда я обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ, безпристрастнымъ въ этомъ дѣлѣ, и предложилъ рѣшить его третейскимъ судомъ; но виновные упрямо отказывались, хотя мое предложеніе было всѣми одобрено. Увлечшись усердіемъ, я забылся до того, что велѣлъ окружающимъ схватить виновныхъ, но въ ту же минуту, на меня уставились десять ружейныхъ дулъ и я едва успѣлъ выговорить „стой“ и отмѣнить свое распоряженіе. Удалившись потомъ въ отведенный для меня домъ, я грозилъ злодѣямъ, что не только напущу на нихъ русскую армію, но и всѣхъ моихъ друзей между осетинами, и что тогда они дороже заплатятъ за свой поступокъ, чѣмъ подчинившись третейскому суду. Видя, что всѣ осетины возмущены этимъ избыткомъ мести и опасаясь худшаго, враждебная семья согласилась, на слѣдующее утро, подчиниться суду, который и собрался по установленному обычаю. Но тотъ-же обычай предписываетъ, чтобы рѣшеніе суда сохранялось въ тайнѣ и оно, можетъ быть, до сихъ поръ остается тайною.

Во время этого путешествія, я убѣдился, что между жителями глубокихъ, плодоносныхъ равнинъ и высокихъ обнаженныхъ горъ, существуетъ очень значительная разни́ца. Въ долинахъ, дома строятся изъ дерева, а въ горахъ, изъ камня; первые, одноэтажные; вторые трехъэтажные и высокіе какъ маяки. Въ нижнемъ этажѣ этихъ башенъ помѣщается скотъ, а въ среднемъ, къ которому днемъ приставляется лѣстница, живутъ люди. Нерѣдко, вокругъ средняго этажа устроена галлерей. Въ верхнемъ хранятся запасы и оружіе. Въ долинахъ, обыкновенно стоятъ вмѣстѣ по тридцати и болѣе домовъ, но въ горахъ, рѣдко встрѣчаешь группу изъ трехъ домовъ; обыкновенно каждая башня стоитъ одиноко.

Когда мы приближались къ деревнѣ, въ которой жили смертельные враги кого нибудь изъ моихъ друзей, то они высмотрѣвъ, своими соколиными глазами, уже на невѣроятномъ разстояніи своихъ враговъ въ нашей партіи, привѣтствовали гостей пулею, свиставшею надъ нашими шапками. Будь непріятель одинъ, наши пули тотчасъ уложили бы его на мѣстѣ, но его обыкновенно сопровождала толпа и такая мѣра была бы рискованна. Мы останавливались и спрашивали: „У кого здѣсь есть смертельный врагъ“? Тогда въ его домъ посылали парламентаря и обыкновенно заключалось перемиріе на время нашего пребыванія въ деревнѣ. Впрочемъ, иногда переговоры были безуспѣшны и предмету ненависти приходилось удаляться для того чтобы другіе были приняты дружелюбно. Случалось, что и во время прохода узкими долинами, мы получали предостереженіе въ видѣ пули, свиставшей надъ нашими головами, и принуждены были оста-

навливаться для переговоровъ. Дорога обыкновенно проходитъ по срединѣ долины и при ней нѣтъ домовъ; они стоятъ шагахъ въ стахъ отъ нея, по обѣимъ сторонамъ, среди рощъ или на выступяхъ горы. На башняхъ, день и ночь находятся часовые, зорко слѣдящіе за малѣйшимъ движеніемъ на дорогѣ.

Какъ и всѣ жители Кавказа, осетины стрѣляютъ необыкновенно мѣтко и никогда не промахиваются. Это искусство должно быть уже прирожденно имъ, потому что трудно повѣрить, какъ мало упражняются они въ стрѣльбѣ. Они не имѣютъ понятія о стрѣльбѣ въ цѣль, да и при томъ же слишкомъ дорожатъ порохомъ и пулями, чтобы употреблять ихъ иначе, какъ въ бою. Ихъ ружья сдѣланы, большею частью, еще въ тѣ времена, когда въ Крыму и на Черномъ морѣ господствовали генуэзцы. Къ тому же времени относятся и ихъ пашки, судя по ясно сохранившимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, итальянскимъ надписямъ. Трудно повѣрить годности огнестрѣльнаго оружія, принадлежащаго такому отдаленному времени; она объясняется только необыкновенною заботливостью осетинъ о своемъ вооруженіи. Оно всегда блеститъ и чистка оружія, единственное дѣло въ хозяйствѣ, котораго осетинъ не возлагаетъ на женщинъ. Ружье виситъ въ его домѣ въ переднемъ углу комнаты, какъ у русскихъ, образъ, и никогда не оставляется безъ чехла. Если осетина застигнетъ въ дорогѣ дождь, то онъ прежде всего спѣшитъ укрыть подъ толстымъ плащомъ, свое оружіе. Онъ никогда не тратитъ зарядовъ безъ особенной надобности и случается, что онъ въ цѣлый годъ не сдѣлаетъ ни одного выстрѣла, хотя

заряженное ружье находится при немъ день и ночь, дома и въ дорогѣ.

Можно подумать, что осетины страстные охотники; но совѣмъ нѣтъ; они любятъ только одинъ родъ охоты: на людей. На зайцевъ, козуль, шакаловъ и волковъ они очень рѣдко тратятъ порохъ и охотятся временами только на дикихъ козъ, медвѣдей и леопардовъ, которые показываются иногда въ ихъ горахъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Кавказа еще существуютъ буйволы, на которыхъ осетины дѣлаютъ облавы, собираясь большими партіями.

Мы уже сказали, что осетинъ не разстается со своимъ оружіемъ и только, ложась спать, вѣшаетъ его на стѣну. Вооруженный пашетъ онъ свое поле; вооруженный пасетъ скотъ и даже къ ближайшему сосѣду идетъ не иначе, какъ вооруженный. Для меня до сихъ поръ остается загадкою, какъ удалось мнѣ, пробывъ такъ долго между этими людьми, выбраться отъ нихъ благополучно. Мнѣ встрѣчались между ними настоящіе каннибалы. Такъ въ моей свитѣ находился осетинъ, слывшій за одного изъ самыхъ страшныхъ. Я попросилъ его, однажды, сказать мнѣ откровенно, сколько людей онъ отправилъ на тотъ свѣтъ. Онъ стыдливо улыбнулся и отвѣчалъ: „Не знаю, господинъ“. „Ну, попробуй сосчитать“, настаивалъ я. Съ помощью другихъ, онъ насчиталъ до пятидесяти человѣкъ, которыхъ онъ убилъ единственно изъ мести. „Удивляюсь, какъ ты еще живъ“, сказалъ я. „А вотъ что, господинъ, отвѣтилъ онъ: если они подкрадываются ко мнѣ какъ кошки, то я ускользаю отъ нихъ, какъ лисица и нападаю на нихъ, какъ волкъ“. „По-

годи, достанется и твоей башкѣ!“ Замѣтили окружающіе со смѣхомъ.

Если я уцѣлѣлъ, такъ это объясняется отчасти тѣмъ, что мои пріятели осетины были большею частью изъ различныхъ мѣстностей и сами не совсѣмъ довѣряли другъ другу. Не одинъ изъ нихъ, можетъ быть, съ наслажденіемъ подстрѣлилъ бы ненавистнаго русскаго; но отъ этого ихъ удерживалъ страхъ передъ другими и стыдъ нарушить права гостепріимства.

Однако бывали случаи, когда жизнь моя, можно сказать, висѣла на волоскѣ; расскажу одинъ, для примѣра. Въ одной деревнѣ, жителямъ которой сами мои спутники не совсѣмъ довѣряли и гдѣ у нихъ не было ни одного друга, насъ приняли не совсѣмъ гостепріимно и ни кто не хотѣлъ уступить намъ своего дома. Намъ сказали, впрочемъ, что мы можемъ расположиться въ домахъ, но не иначе какъ раздѣлившись. Противъ этого горячо возстало все наше общество, понявъ, что противъ насъ замышляется что то недоброе. Мы доказывали, что это противъ обычая и что, если уже намъ обѣщали гостепріимство, то должны оставить насъ вмѣстѣ и очистить для насъ одинъ домъ. Мы такъ настаивали на обычаѣ и правѣ, что добились, наконецъ, желаемаго. Расположившись въ одномъ домѣ, мы поужинали и легли спать. Я удалился съ моимъ толмачемъ въ назначенную для насъ комнату и заснулъ, пока остальные мои спутники еще сидѣли передъ потухавшимъ огнемъ у дверей нашей комнаты. Вдругъ, ночью я просыпаюсь и, къ удивленію моему, вижу въ щель двери, большой огонь. Разбудивъ моего армянина я велю ему освѣδοчиться, что это значитъ, и въ ту минуту, какъ онъ отворяетъ

дверь, я вижу, что все мои спутники осетины сидятъ. въ сосѣдней комнатѣ, съ оружіемъ въ рукахъ обративъ глаза къ отворенной двери со двора. Я выхожу самъ и спрашиваю, что это значитъ. Мнѣ отвѣчаютъ вопросомъ, неужели я не слышу шороха и шаговъ около дома, не предвѣщающихъ ничего хорошаго. Въ кустарникѣ замелькали подозрительныя тѣни и вскорѣ домъ нашъ былъ окруженъ вооруженными людьми, принимавшими мѣры чтобы взлезть къ намъ (такъ какъ лѣстница была на ночь поднята). Все ружья моихъ спутниковъ были направлены дуломъ къ двери. Я рѣшился подойти къ ней, съ моимъ толмачемъ и спросилъ у осаждавшихъ, чего имъ нужно и зачѣмъ они пришли. Ихъ намѣреніе было слишкомъ ясно, поэтому моя неожиданная смѣлость смутила ихъ и они отвѣчали, запинаясь: „Мы пришли спросить тебя, кто ты такой и зачѣмъ пришелъ къ намъ?“ И вы приходите спрашивать это ночью и будите насъ, вашихъ гостей, утомленныхъ путешествіемъ? Развѣ вы не могли спросить это поутру? Я располагаю провести у васъ еще дня три, четыре, такъ я успѣю еще поговорить съ вами подробно обо всемъ, о чемъ вы пожелаете. Идите спать, добрые люди; дайте и намъ отдохнуть подъ вашимъ гостепріимнымъ кровомъ. Завтра, мы обо всемъ поговоримъ“.

На это нечего было возразить и сконфуженные осетины, ворча, удалились. Время было выиграно, а это главное. По уходѣ нашихъ непріятелей, мы принялись какъ можно тише сѣдлатъ нашихъ лошадей и умчались во всю прыть въ болѣе гостепріимныя края.

Земледѣліемъ, Кавказъ не отличается; впрочемъ, тамъ сѣютъ горохъ, овесъ и рожь, преимущественно

около жилищъ, но въ такомъ маломъ количествѣ, что не имѣется даже телѣгъ, для перевозки жатвы и люди перетаскиваютъ ее въ дома на спинѣ. Сѣно, которое они косятъ довольно далеко отъ жилищъ, по склонамъ горы, они доставляютъ въ дома осенью, по первому снѣгу. Это дѣлается довольно оригинальнымъ способомъ. Перенеся его на удобные скаты и сложивъ въ большія кучи, они скатываютъ его внизъ, прямо къ своимъ жилищамъ. Склоны, на которыхъ они косятъ траву, нерѣдко такъ круты, что косцы держатся на нихъ только съ помощью желѣзныхъ зубцовъ, подвязанныхъ подъ обувь. Съ пистолетами за поясомъ, съ ружьемъ за спиною, съ шашкою и кинжаломъ при бедрѣ и съ косою въ рукѣ, осетины карабкаются съ помощью своихъ зубцовъ, на самые крутыя скалы.

Многіе осетины заявляли, въ разговорѣ со мною, желаніе, чтобы ихъ дикому состоянію былъ, наконецъ, положенъ конецъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, это желаніе было отчасти исполнено: спустя три года послѣ моего путешествія, противъ осетинъ была предпринята экспедиція, подчинившая русскимъ, населяемую ими, часть Кавказа.

А Б Х А З Ц Ы.

Какъ на востокѣ лезгины, такъ на западѣ, абхазцы, худшее изъ племенъ Кавказа. Русскіе, имѣвшіе особенное счастье возвратиться въ свое отечество, побывавъ у нихъ въ плѣну, рассказываютъ о нихъ

ужаснѣйшія вещи. Многіе изъ нихъ даже не знакомы съ повареннымъ искусствомъ и употребляютъ въ пищу сырое мясо. Они жестоко тиранятъ своихъ плѣнныхъ и перерѣзываютъ имъ жилы на ногахъ, для того, чтобы они не могли бѣжать. Значительныхъ плѣнныхъ, за которыхъ они надѣются получить хорошій выкупъ, они морятъ, въ башняхъ, голодомъ и жаждою, для того чтобы они спѣшили выкупомъ, такъ что многіе изъ такихъ плѣнныхъ умираютъ въ первыя недѣли заключенія. Такимъ образомъ погибъ естествоиспытатель Гмелинъ, попавшій въ руки абхазцевъ со всею своею ученою экспедиціею. Онъ захворалъ отъ гнилой воды и испорченнаго хлѣба, которые давали ему въ пищу, и умеръ черезъ четыре мѣсяца. Многіе изъ его спутниковъ перенесли мучительный плѣнъ и были выкуплены. Когда абхазцы видятъ, что требуемый выкупъ не присылается, то они нерѣдко замучиваютъ до смерти своихъ плѣнныхъ, въ отмщеніе за то, что даромъ кормили ихъ, и на казнь собирается, какъ на зрѣлище, вся деревня. Но въ физическомъ отношеніи, абхазцы принадлежатъ къ красивѣйшимъ изъ кавказскихъ племенъ и отличаются высокимъ, стройнымъ станомъ и правильными чертами лица.

Я познакомился, въ Харьковѣ, съ однимъ нѣмецкимъ художникомъ, бывшимъ въ плѣну у абхазцевъ и только благодаря своей находчивости, избѣжавшимъ участи нѣмецкаго натуралиста. Путешествуя по Кавказу, онъ заѣхалъ, увлеченный роскошными картинами природы, далеко въ горы; тамъ на него напали абхазцы и увели его въ плѣнъ со всѣми его спутниками. Добыча была раздѣлена и художника разлучили съ его товарищами, о которыхъ съ тѣхъ поръ онъ ни-

чего не слыхалъ. Тотъ абхазецъ, на долю котораго онъ достался, привязалъ его къ своей лошади и поскакалъ на ней; несчастный плѣнникъ, невысокій, щедушный человѣкъ, уже во время этого пути претерпѣлъ жесточайшія муки. По прибытіи въ жилище его господина, ему дали жалкую постель, кормили въ началѣ самую дурною пищею, и обращались чрезвычайно сурово. Однако, постепенно, абхазецъ привязался къ нему и поручилъ ему наконецъ пасти своихъ лошадей. Художнику пришлось каждый день стеречь въ горахъ табунъ, съ трудомъ отгоняя отъ него хищныхъ звѣрей. Его рисунки, въ особенности съ лошадей, доставляли абхазцамъ величайшее удовольствіе, такъ что они не рѣдко приносили ему уголь прося нарисовать что нибудь на стѣнѣ. Тщетно ждалъ бѣдняга цѣлый годъ своего освобожденія; наконецъ, часъ его пробилъ.

Однажды, господинъ его отправился съ сосѣдями на охоту; ихъ было восемь всадниковъ и они взяли съ собою живописца для того чтобы онъ служилъ имъ конюшимъ. Охотники заѣхали далеко отъ жилищъ въ горы, съ намѣреніемъ застрѣлить тамъ нѣсколькихъ дикихъ козъ. По прибытіи на мѣсто, абхазцы сошли съ лошадей, отдали ихъ живописцу и пошли охотиться пѣшіе. Вскорѣ они скрылись въ ущельи и несчастный рабъ, оставшись одинъ съ восемью поводьями въ рукахъ, принялся размышлять о своей печальной судьбѣ. Вдругъ ему блеснула мысль вскочить на одну изъ лошадей и искать спасенія въ бѣгствѣ. Вздумано, сдѣлано. Онъ вскочилъ на ту изъ лошадей, которая казалась ему лучшею, внимательно осмотрѣлся, плотно усьлся въ сѣдлѣ и помчался. Изъ

предосторожности, онъ увелъ съ собою всѣхъ лошадей, чтобы затруднить преслѣдованье. Однако, и ему самому не легко было скоро ѣхать, держа за поводья восьмерыхъ лошадей; такъ что удалившись на достаточное разстояніе, онъ началъ отпускать по одной лошади въ горы и оставшись наконецъ при одномъ своемъ черномъ скакунѣ, безпрепятственно помчался во весь духъ. Онъ уже въ первый день проѣхалъ значительное разстояніе; ночью, онъ прятался въ чащѣ лѣсовъ и на разсвѣтѣ, продолжалъ свой путь, но постоянно избѣгая большихъ дорогъ и прячась, едва завидитъ живое существо. Онъ старался также дѣлать большіе обходы вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ поднимавшійся дымъ показывалъ присутствіе жилья. Бѣглець питался во все это время остатками взятаго имъ на охоту хлѣба, а лошадь свою кормилъ травою и поилъ гдѣ нибудь на берегу ручья. Не разъ онъ сбивался съ дороги, но всегда опять находилъ ее, наконецъ, послѣ трехъ дней мучительнаго состоянія между страхомъ и надеждою, ему удалось добраться до кочевья мирныхъ колмыковъ, гдѣ его приняли съ большимъ радушіемъ и доставили туда, куда ему было нужно. Превосходная лошадь способствовавшая его спасенію, служила ему потомъ въ Харьковѣ и бывшее на ней богатое сѣдло сохраняется его семействомъ въ память его плѣна и удачнаго избавленія.

Абхазцы не потеряли бы, можетъ быть, до сихъ поръ ни одной пяди земли, если бы не раздоры между ихъ князьями и не непримиримая вражда между нѣкоторыми семействами, облегчившія завоеваніе ихъ страны. Не рѣдко бывало, во времена ихъ ожесточенныхъ междоусобій, что какой нибудь могуществен-

ный вождь ихъ, бывшій еще не за долго до того непримиримымъ врагомъ русскихъ, вдругъ измѣнялъ своему отечеству и передавался русскимъ, единственно для того, чтобы, съ ихъ помощью, отмстить какому нибудь ненавистному соотечественнику. Вотъ одинъ подобный примѣръ.

Двое абхазскихъ князей, долгое время сражавшіеся вмѣстѣ противъ общаго врага, воспылали другъ къ другу непримиримою враждою. Одинъ изъ нихъ скрылъ свою ненависть подъ личиною дружбы и примиренія и съ нетерпѣніемъ ждалъ удобнаго случая погубить врага. Случай представился. Братъ этого врага былъ обвиненъ въ сношеніяхъ съ русскими и въ томъ, что онъ ввелъ во владѣнія абхазцевъ пероодѣтыхъ русскихъ офицеровъ для изученія мѣстности и для снятія плановъ; въ виду будущихъ предпріятій. Вина его была доказана и онъ бѣжалъ къ русскимъ, чтобы избавиться отъ заслуженнаго наказанія.

Тогда напустились на его брата, котораго также обвинили въ участіи въ заговорѣ и схвативъ его со всею семью, отдали, на время слѣдствія, подъ надзоръ его жесточайшему врагу.

Что произошло во время заключенія, осталось тайною для всѣхъ; только, когда по совершенному отсутствію уликъ, обвиненный былъ освобожденъ, онъ вышелъ изъ тюрьмы, исхудалый какъ скелетъ. Во все время заключенія, его почти оставляли безъ пищи и обращались съ нимъ такъ жестоко, какъ непозволительно было бы обращаться съ осужденнымъ преступникомъ. Такому же безчеловѣчному обращенію подверглись его жена и дѣти. Оскорбленный князь пи-

талъ теперь одно чувство: мщеніе. Собравъ всѣхъ своихъ родныхъ, друзей и рабовъ, онъ перешелъ съ ними границу и отдался подъ покровительство русскихъ, которые приняли его съ большимъ уваженіемъ и почетомъ и немедленно произвели въ полковники.

Передавшіеся принадлежали къ лучшимъ военнымъ силамъ абхазцевъ и потеря ихъ была для нихъ очень ощутительна; но это было только вступленіемъ къ тому, что еще имъ угрожало. Новый русскій полковникъ скоро напомнилъ имъ о нанесенномъ ему оскорбленіи. Его чинъ далъ ему право сдѣлаться командиромъ одного изъ пограничныхъ полковъ и это обстоятельство доставило ему полную возможность мстить. Не проходило недѣли, чтобы онъ не дѣлалъ вторженія на непріятельскія земли, но всѣ его нападенія были направлены исключительно на владѣнія его врага и продолжались до тѣхъ поръ, пока вся его семья и всѣ его приверженцы не были перебиты или пущены по міру.

СЦЕНЫ ПОХОДА ПРОТИВЪ ЧЕЧЕНЦЕВЪ.

(по БОДЕНШТЕДТУ).

Въ 1844 г., генераль Нейдгардъ расположилъ свою главную квартиру близъ Терека, на границѣ земли чеченцевъ, готовясь выступить противъ нихъ въ походъ. Однако открытіе компаніи было замедлено многими препятствіями. Во первыхъ, обозы съ провіантомъ не пришли во время; затѣмъ разлился Те-

рекъ и затопилъ лагерь, а дерзкіе чеченцы, пользуясь затрудненіями русскихъ, то и дѣло тревожили ихъ своими нападеніями; словомъ, не проходило дня безъ новыхъ тревогъ и непріятностей, пока наконецъ, пришедшій провіантъ не позволилъ русскимъ приступить къ дѣлу. Незадолго передъ тѣмъ, казаки схватили одного шестидесятилѣтняго чеченца, показавшагося имъ почему-то подозрительнымъ, и привели его въ свою главную квартиру.

При старикѣ были часы, которые казаки хотѣли отнять; но онъ не отдавалъ ихъ и за это казаки не давали ему пить, хотя его смертельно мучила жажда, потому что онъ впродолженіи цѣлаго дня долженъ былъ бѣжать за лошадьми по солнечной припекѣ, не получая ни одного глотка воды. Наконецъ его въ изнеможеніи притащали въ главную квартиру посадили тамъ на гауптвахту.

На гауптвахтѣ, кромѣ нѣсколькихъ казаковъ, находился унтеръ-офицеръ, имѣвшій надзоръ за часовыми и исполнявшій въ то же время должность писаря. Чеченецъ забился въ уголь, легъ на полъ и вскорѣ погрузился, какъ казалось, въ глубокій сонъ; унтеръ-офицеръ сидѣлъ за столомъ и усердно писалъ; усталые казаки повѣсили на стѣнѣ свое оружіе и въ полной увѣренности въ безопасности, постлали себѣ на полу постель и легли спать.

Унтеръ-офицеръ, видя что всѣ вокругъ него крѣпко спятъ, протеръ себѣ глаза, которые слипались отъ дремоты, и, вставъ съ мѣста, подошелъ къ двери, чтобы освѣжиться ночнымъ воздухомъ. Вѣтромъ, ворвавшимся въ отворенную дверь, задуло свѣчу и въ сторожкѣ воцарилась непроницаемая темнота, въ ко-

торой слышалось только храпѣнье спящихъ, нарушавшее ночную тишину. Старый чеченецъ, не спавшій, а только притворявшійся спящимъ, тихо приподнимается, осторожно ползетъ между спящими, къ стѣнѣ, снимаетъ висящій на ней кинжалъ, бросается на спящихъ казаковъ и принимается колотъ ихъ во что ни попало. Одинъ изъ казаковъ умираетъ на мѣстѣ; другіе, приведенные въ ужасъ предсмертнымъ хрипѣньемъ товарищей и ударами кинжала, которые сыплются на нихъ неизвѣстно откуда, шатаясь бросаются къ двери и зовутъ на помощь. Услыхавъ крики, унтеръ-офицеръ вбѣгаетъ въ комнату, гдѣ ему удастся схватить за руки, въ темнотѣ, неистовствующаго чеченца. Но тотъ бьется и кусается, какъ бѣшаный и наноситъ въ борьбѣ, своему противнику, сильному и рослому мужчинѣ, семь ранъ въ лицо, такъ что унтеръ-офицеръ принужденъ вылустить его и бѣжать. Но прежде чѣмъ позвать на помощь, онъ загораживаетъ дверь, чтобы не дать чеченцу уйти. Между тѣмъ въ комнатѣ съ чеченцемъ остался одинъ молодой казакъ, забравшійся, во время рѣзни, на печку; онъ не рѣшался сойти съ нее и теперь былъ запертъ со своими, плававшими въ крови товарищами, и съ изступленнымъ врагомъ, успѣвшимъ разрѣзать кинжаломъ веревки, которыми онъ былъ связанъ. Страшный чеченецъ не замѣтилъ его въ потьмахъ и казакъ, удерживаетъ дыханье, въ смертельномъ страхѣ.

Между тѣмъ поднимается тревога; дворъ освѣщается факелами и сотни казаковъ и солдатъ окружаютъ домъ. Но чеченецъ предвидѣлъ нападеніе и приготовился къ сильному отпору. Пистолеты и ружья, висѣвшія на стѣнѣ, были заряжены, и въ комнатѣ

имѣлся достаточный запасъ патроновъ. Чеченецъ вооружается саблею, замыкаетъ изнутри дверь и ждетъ приступа. Солдаты, послѣ тщетныхъ попытокъ выгнать его изъ дома, рѣшаются дожидаться разсвѣта, чтобы взять, если возможно, чеченца живаго. Наступаетъ день. Къ осажденному посылаютъ одного казака, говорящаго по чеченски, чтобы убѣдить его сдаться, обѣщая, что жизнь его будетъ пощажена; но старикъ отвѣчаетъ однѣми пулями. Кто-то изъ казаковъ полюбопытствовалъ взглянуть на чеченца въ дверную щель; въ то же мгновеніе, въ глазъ любопытнаго влетаетъ пуля. Не видя возможности взять старика живьемъ, солдаты принимаются стрѣлять въ домъ; но чеченецъ отвѣчаетъ на каждый выстрѣлъ и каждая его пуля кого нибудь ранить, тогда какъ самъ онъ остается, повидимому, невредимъ. Наконецъ, одному офицеру приходитъ мысль поджечь домъ и спустя нѣсколько минутъ, соломенная кровля загорается отъ наброшенныхъ на нее горящихъ головней. Огонь быстро распространяется; потолокъ готовъ обрушиться; чеченецъ уже покрытъ ранами, но вмѣсто того, чтобы сдаться, онъ дѣлаетъ послѣдній выстрѣлъ, беретъ въ лѣвую руку кинжалъ, въ правую, саблю, распахиваетъ дверь и бросается, рубя на право и на лѣво, въ толпу своихъ враговъ, которые невольно отступаютъ передъ этою неожиданною, сверхчеловѣческою неустрашимостью. Несчастный уже шатается, истекая кровью, наконецъ одинъ солдатъ повергаетъ его на землю сильнымъ ударомъ шашкою по головѣ, и чеченецъ испускаетъ духъ.

Оказалось, что онъ убилъ шестерыхъ солдатъ и ранилъ вдвое болѣе. Казаку, остававшемуся въ домѣ,

удалось выбѣжать изъ него прежде нежели рухнулъ пылавшій потолокъ.

Спустя нѣсколько дней, новый случай показалъ всю непримиримую вражду и жестокость воевавшихъ. Отрядъ чеченцевъ приблизился, пользуясь темнотою ночи, къ небольшому русскому укрѣпленію и успѣлъ, прежде чѣмъ его замѣтили часовые, осторожно подкрасться къ самымъ стѣнамъ, такъ что когда солдаты, застигнутые въ распложъ, бросились къ орудіямъ и открыли огонь, то пули пролетѣли надъ головами чеченцевъ. Прежде нежели успѣли вторично зарядить пушки, чеченцы были уже въ крѣпости и начали такую рѣзню, что гарнизонъ, состоявшій большею частью изъ рекрутъ, пришелъ въ полное смятеніе и въ безпорядкѣ искалъ спасенія въ церкви. Но въ церкви едва половина могла укрыться; остальнымъ не оставалось инаго выбора какъ отчаянно драться, или падать безъ сопротивленія, потому что дикіе горцы никому не давали пощады и рубили всѣхъ, кого достигали ихъ клинки. Они овладѣли пушками и укрыли въ безопасное мѣсто богатую добычу, оружіе, порохъ и пули, которые были для нихъ всего важнѣе. Непріятель уже готовился поджечь церковь, какъ вдругъ къ ней торжественно приблизился русскій священникъ, высокій, крѣпкій мужчина, въ праздничныхъ ризахъ, съ крестомъ въ одной рукѣ и со свѣчей въ другой. Чеченцы, пораженные этимъ новымъ для нихъ явленіемъ, и ослѣпленные блестящими ризами и величавымъ, вдохновеннымъ видомъ священника, такъ рѣзко отличавшимся отъ наружности солдатъ, на минуту прекратили рѣзню, такъ что священникъ могъ безпрепятственно войти въ церковь.

Нужно знать, до чего доводитъ русскій народъ религіозный энтузіазмъ, чтобы понять, какое впечатлѣніе произвело на солдатъ появленіе ихъ священника, который сталъ угрожать имъ за трусость муками ада и вѣчнымъ огнемъ, и сулить райское блаженство, если они храбро выдержатъ борьбу съ язычниками. Снова возгорѣлась ожесточенная схватка, въ которой враги дрались, съ обѣихъ сторонъ, какъ изступленные, солдаты выбѣжали изъ церкви, чтобы опять схватиться съ чеченцами на открытомъ полѣ; горцы бросились на нихъ; пули свистали со всѣхъ сторонъ и вокругъ церкви горами ложились трупы. Русскіе, подстрекаемые воинственнымъ священникомъ, дрались какъ львы; наконецъ чеченцы, которымъ не было никакого разсчета долго удерживать за собою крѣпость, рѣшились отступить, чтобы спасти хотя часть добычи. Послѣ этой побѣды, солдаты стали чтить храбраго священника, какъ святаго, тѣмъ болѣе, что онъ остался невредимъ, хотя находился въ самомъ центрѣ схватки. Его спасеніе приписало чуду.

Около этого времени, у чеченцевъ очень славился одинъ изъ ихъ вождей, Абдулахъ, совершившій столько убійствъ и грабежей, что его имя сдѣлалось грозою всего края и русское правительство назначило высокую цѣну за его голову. Однако никто не покушался напасть на этого страшнаго человѣка. Наконецъ, одинъ молодой черкесь, по имени Магомедъ, отецъ котораго былъ изгнанъ русскими изъ его владѣній и потомъ убитъ въ бою, вызвался выдать Абдулаха русскимъ живаго, если русское правительство обяжется возвратить ему за это его наследственные

земли. Условіе было принято и Магомедъ, чтобы лучше изучить образъ жизни и убѣжище страшнаго разбойника, поступилъ въ его шайку и въ продолженіе цѣлаго полугода сопровождалъ его во всѣхъ его набѣгахъ. Ему удалось отличиться храбростью передъ всѣми товарищами и даже снискать довѣріе вождя; однако при всемъ томъ, онъ вскорѣ убѣдился, что это не поможетъ ему достигъ своей цѣли, такъ какъ самые хитрые планы разбивались о подозрительность и осторожность чеченца. Поэтому, онъ возвратился черезъ нѣсколько времени къ русскому губернатору и объявилъ, что онъ не нашелъ возможнымъ взять разбойника живаго, но что онъ берется убить его, если ему дадутъ нѣсколько пудовъ пороха. Его требованіе было исполнено и онъ отправился въ путь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ ему друзей и вѣрнаго слуги.

Вечеромъ, они пріѣхали въ лѣсъ, неподалеку отъ одной чеченской деревни, гдѣ находился, въ то время, Абдулахъ. Лошадей скрыли въ самой густой чашѣ, а всадники влезли на высокія деревья и спрятались въ зелени, пока не наступила ночь. Около полночи, Магомедъ повелъ своихъ спутниковъ, по хорошо знакомымъ ему тропинкамъ, къ небольшой полянѣ, лежавшей среди лѣса и на которой были раскинуты дома, похожія на небольшія крѣпости и стоявшіе въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго. Большая часть жителей уже крѣпко спала; только въ домѣ Абдулаха еще никто не спалъ и окна верхняго этажа были освѣщены.

Магомедъ, не теряя времени, пробрался съ двумя изъ своихъ спутниковъ, несшими порохъ, въ нижній

этажъ дома, гдѣ обыкновенно помѣщался скотъ; но въ домѣ Абдулаха, этотъ этажъ стоялъ пустой. Высыпавъ на полъ порохъ, они подложили къ нему фитиль, подожгли его съ одного конца и поспѣшно отбѣжавъ на нѣкоторое разстояніе, спрятались въ кустахъ и стали, съ замираніемъ сердца, ждать взрыва.

Прошло полчаса, а не раздавалось ни малѣйшаго звука; Магомедъ не могъ стоять на мѣстѣ отъ нетерпѣнія. Полагая, что фитиль потухъ, онъ уже собирался вернуться въ домъ, чтобы лучше распорядиться; какъ вдругъ земля дрогнула отъ страшнаго удара; огненный снопъ поднялся съ того мѣста, гдѣ стоялъ домъ разбойника и, шипя, разлетѣлся во всѣ стороны; вслѣдъ затѣмъ послышался трескъ, прерываемый какъ будто бы громовыми ударами. Верхняя часть дома взлетѣла на воздухъ и погребла подъ своими развалинами Абдулаха со всею его семью, слугами и нѣсколькими бывшими у него друзьями. Такимъ образомъ погибло семнадцать человѣкъ. Только одинъ ребенокъ, младшій сынъ Абдулаха, спасся какимъ то чудомъ.

Съ ужасомъ смотрѣли на свое дѣло виновники этого страшнаго злодѣянія. Жители деревни, пробужденные взрывомъ, были такъ испуганы ужаснымъ зрѣлищемъ, что не смѣли выйти изъ домовъ. Одинъ Магомедъ остался непоколебимъ и повелъ своихъ спутниковъ обратно тою же дорогою, по которой они пришли, отдалъ губернатору отчетъ въ успѣхѣ своего опаснаго предпріятія и получилъ обѣщанную награду. Императоръ хотя и утвердилъ распоряженіе губернатора, однако, въ высшей степени недовольный тѣмъ, что для наказанія одного виновнаго, погубили шест-

надцать невинныхъ, строго предписалъ поступать впредь осмотрительнѣе и не прибѣгать къ такимъ жестокимъ мѣрамъ.

Магомедъ не долго наслаждался плодами своего злодѣянія; онъ умеръ черезъ годъ отъ какой-то болѣзни, которой никто не могъ разъяснить. Полагаютъ, что онъ былъ отравленъ родственниками Абдулаха.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Путешествіе въ Абиссинію	1
Пожаръ на кораблѣ	31
Волканъ Стромболи.	42
Разрушеніе Геркуланума и Помпей	47
Изверженіе Везувія въ 1794 году.	55
Лиссабонское землетрясеніе.	59
Разрушеніе Каракасса (изъ Гумбольдта)	69
Поѣздка на Ферерскіе острова.	74
Охота на боа въ Тиморѣ	96
Долина Миссиссипи	105
Охотники на буйволовъ (по Ферри)	115
Путешествіе изъ Балтиморы въ Новый Орлеанъ (по Гамильтону, Эндрю и Канабику).	129
Пожаръ въ Помпасахъ.	142
Война американцевъ съ индѣйцами (по Эндрю).	152
Изгнаніе индѣйцевъ изъ Флориды (по Гольферну)	159
Встрѣча съ тигромъ	177
Миръ животныхъ на островѣ Цейлонѣ	183
КАРТИНЫ КАВКАЗА.	
1. Кавказъ и его жители	195
2. Стычка съ черкесами (по Нейману).	201
3. Путешествіе по Кавказу (по Паулету Камерону)	209
4. Осетины (изъ путешествія Коля по южной Россіи)	230
5. Абхазцы	240
6. Сцены похода противъ чеченцевъ. (По Боденштедту)	245
ВАНДИМЕНОВА ЗЕМЛЯ.	
1. Переселенцы	254
2. Лоцманъ	256